

МАРИНА ВЕСЕННЯЯ ОБЕЩАННАЯ

18+

Самые изысканные романы о магии
и страсти от лучших авторов!

Annotation

Работа — дом — работа. Начальство дурное, клиенты руки распускают, кто-то начал преследовать, и сдаётся мне, что до утра я не доживу. И это только начало моей рабочей недели... И мало того, что я уже сама себе не принадлежу, так еще и делить пытаются! Тело одному пообещали, душу другому, сердце вообще третьему. А я целой хочу быть, и своей собственной! Но как будто мнение простого человека будет учитываться, если в игру вступают высшие демоны, один наглый инкуб, а помощи приходится ждать только от таинственного покровителя. Меня зовут Кенна. И это моя история.

**Марина Весенняя
Обещанная**

2014 год. Россия, Москва

— Ну, как там зал? — вечный вопрос. Смена только-только начинается, новенькие девчонки волнуются, наши «старожилы» ждут, когда я расскажу им, где и на что ловить «крупную рыбу».

Десять вечера. Наш клуб в центре Москвы открылся для посетителей час назад. Народ лениво занимает столики, но мы-то знаем, что это только начало. Пятницу давно уже можно возводить в статус национального праздника, причем не только у нас в стране, но и во всем мире. Зал наполняется белыми воротничками, офисным планктоном, которые так любят сесть у самой сцены. Потратить минимум денег, чтобы увидеть максимум. Максимум, по их понятиям, оказаться как можно ближе к голой груди или чьей-нибудь попе. Насмотревшись американских фильмов, эти клиенты будут кидать на сцену и закладывать девочкам в трусики свои мятые пятидесятки и сторублевки (радуйся, что бумажных десятков в обороте уже не встретишь), воображая себя олигархами. Для таких клиентов у нас первыми выходят новенькие. Все равно, какие-никакие, а деньги, все равно клиенты. В конце концов, путь к славе в нашем ремесле лежит через все круги ада.

Чуть позже подтягивается золотая молодежь, важные чиновники, солидные бизнесмены. Вот для них уже выходит элита нашего клуба. Отряд особого реагирования, так сказать. С одной стороны, нам важно заработать денег для себя, любимых. С другой стороны, мы должны обеспечить кассу для нашего дорогого и горячо любимого руководства, чтобы не вылететь из такой шикарной кормушки. И отсюда вытекает необходимость нашей опытной группы хищных соблазнительниц. Щедрые элитные клиенты, так называемый контингент, это большие взрослые дяди с особыми требованиями, желаниями и привычками. Выпускать к ним молодых неопытных дурех — непозволительный риск. Девчонки перестараяются, допустят ошибку, и клиент больше не захочет прийти. Да и друзьям не посоветует. Так что тут в дело вступаем мы.

Я посмотрела на зал из-за плотной шторы, отделяющей сцену от примерок, оценивающим взглядом. Да, народа уже полный зал. VIP-зона тоже набралась. Уже заметила знакомые лица. Рановато сегодня. Ничего, значит, ночь получится горячей.

— Девочки! Вам не кажется, что пора стартовать? — это наш менеджер, Аня. Обращалась она, конечно, к нашему элитному отряду. Так-то разогрев начал свою работу вовремя, с самого открытия. Все-таки гости должны заходить и видеть праздную атмосферу разврата и веселья, а не пустые шести.

Менеджер Анна Валерьевна, а для всех нас просто Аня, сегодня ночью решила приодеться во все белое — плотные брюки, белый пиджак, шпильки, под пиджаком шелковая блузка, из выреза которой выглядывает лифчик в золотых пайетках. В клубе действует сразу-меню, так что любой клиент может заказать себе танец и от менеджера, и от администратора, и от директора клуба. Директор наш, правда, сорокалетний армянин с необъятным мамоном вместо живота, так что его на танец не вызывали пока ни разу. Да и свои труды он по преискуранту оценил в пятьдесят тысяч рублей за одну мелодию. Эх, надо

будет на свой день рождения по приколу его на сцену попросить выйти. Интересно, с меня деньги возьмет или горячая южная кровь для красавицы заставит сплясать бесплатно? Ой, умру со смеху, так и не дожив до тридцатки.

Что касается нашего менеджера, в коллективе ее любили и уважали, но только в тех случаях, когда она не пыталась лезть в нашу работу. То есть почти никогда. И вроде же хорошая девушка, но только любит лишний раз показать, что стоит «над нами», простыми смертными стриптизершами. С ней у меня вообще особые отношения. Ее раздражает, что в клубе я нахожусь на особом положении, а сделать она с этим ничего не может. Так что Анна Валерьевна пилит меня по поводу и без, а я не остаюсь в долгу. Зато когда речь заходит о зарабатывании денег, из нас получается неплохая команда. Но про это потом расскажу. Сейчас пора на сцену.

— Бегу-бегу, — ответила я Ане, еще раз поправляя прическу перед зеркалом. На ногах уже были надеты адские туфли на высоченной платформе с каблуками, и чтобы дойти до кулис мне потребуется помощь моих коллег по цеху. Одна из девочек помогла мне накинуть длинную мантию в пол, которая станет частью представления. А заодно скроет мои маленькие неловкие шажки в неудобной, зато жутко сексуальной для мужчин обуви.

— Вперед, наш генерал! — подбодрила меня Азия. Нет, в реальной жизни, вне клуба, звали ее Зина. Только клиенты ходят в клуб за фантазиями, и не в обиду никому, но эротическую мечту не могут звать Зиной. Зато загадочным Востоком мечта вполне может быть. В конце концов, я вот тоже никому Настей Ивановой из Воронежа не представляюсь. Да и вообще, куда ни глянь, в клубе работают одни Жанны, Кармы, Лилии да Бестии...

Молодая красивая мулатка Азия, с густыми черными волосами, кошачьим разрезом глаз и уверенным четвертым размером, пришла работать к нам меньше месяца назад, но быстро влилась в наш элитный рассадник порока. Талантливая девочка с экзотической внешностью. Только вот никак звания в условиях военного времени запомнить не может.

— Генерал у нас Тигран Гамлетович, а я так, скромный начальник разведки, — ответила я, уже выходя к нетерпеливой публике.

В зале было темно, единственный источник света, прожектор, направлен на мою сцену, но и он пока работал лишь на малую часть мощности, светил ровно настолько, чтобы гости могли заметить, что на сцене кто-то появился. Тишина. Только редкие неуверенные хлопки да пошленькое посвистывание доносились из vip-зоны. Там уже точно сидят мои постоянные клиенты, они-то знают, что сейчас состоится мой выход. Диджей включает мелодию, ритмичный альтернативный рок, свет прожектора разгорается ярче, освещая мою фигуру, с ног до головы скрытую под черным балахоном.

В такт музыке я неторопливо освобождаю одну руку из-под длинной ткани, направляясь к завязкам на шее, мучительно медленно тяну за одну из них. Появляется вторая рука, балахон распахивается. И вот они — первые крики одобрения, все от того же офисного планктона, неспособного молча вкушать интригу. На сцену пустили немного дыма, чтобы придать пикантности зрелищу.

Сначала я лениво спустила капюшон с головы, даря залу холодную улыбку, затем позволила своему плащу соскользнуть с тела на пол. Двигаясь в ритм мелодии, я не спеша подошла к пилону, сексуально двигая бедрами. Обхватила этот длинный стальной шест рукой, игриво проведя по нему вверх-вниз, словно он олицетворяет мужское естество. Подняла руку над головой, прислоняясь к пилону спиной. Чуть присела, выгибая спину, откидывая голову назад, позволяя свету заиграть в своих длинных темных волосах. Резкая

крутка, совершаю один оборот вокруг шеста, позволяя публике рассмотреть меня со всех сторон. И еще раз, пусть ноги лучше разглядят. Сегодня я без чулок, ноги демонстрируют легкий бронзовый загар. Короткая юбка-шотландка больше напоминает пояс, практически ничего не скрывая от голодной публики.

Попадая в ритм, по-прежнему держась за шест одной рукой, отталкиваюсь от сцены, совершая круг практически в свободном полете, поднимая ноги как можно выше. Хватаю шест второй рукой, смещая центр тяжести, чтобы выполнить элемент «Виктория» — повисая на пилоне вниз головой, развожу ноги в разные стороны.

Наконец у меня появляется несколько секунд, чтобы окинуть зал своим цепким взором. Чтобы гости не скучали, делаю вис на колене, аккуратно опускаясь с неба на грешную землю. Примечаю несколько денежных мешков в общем зале. Это отлично, вечер обещает быть прибыльным. Ловлю на себе взгляд с шестого столика. Нет, конечно, сейчас на меня смотрят почти все в зале, но этот просто проедает насквозь. Красивый пепельный блондин, немного небрит, в белой рубашке и коричневой кожаной куртке, с бокалом виски в руках. С такими надо быть осторожными, все внутри меня так и кричит — держись от него подальше. Этот парень слишком хорошо осведомлен, насколько он привлекательный, привык к легким победам.

Пол оказался уже совсем близко, так что сначала я сделала стойку на руках, из которой потихоньку опустила ноги на сцену. Несколько классических ритмичных выгибов стоя на коленях перед толпой зевак, пару раз встряхнула волосами, выпрямляю ноги, касаясь ладонями своих лодыжек. Мои руки не спеша скользят вверх, лаская бедра, игриво приподнимая короткую юбку на долю секунды, обводят талию и грудь, скрытую целомудренным (для стриптизерши) корсетом.

На сцене появляется Азия. Мы собираемся исполнить наш любимый танец, играя страстных и нетерпеливых лесбиянок. Пока я кружу вокруг шеста, смуглая красотка также скидывает с себя темный балахон, демонстрируя публике свои длинные ноги и плоский живот.

Я вновь ловлю на себе взгляд мужчины за шестым столиком, кажется, что он и не моргал ни разу за это время. Но нет, товарищ, меня ты сегодня не получишь, все мои инстинкты так и вопят о твоей опасности.

Азия подошла ко мне, между нами оставался только пилон. Девушка убирает волосы с моих плеч, чтобы зритель лучше видел наши лица. Мы, как никто другой, умеем заводить публику горячим взглядом. Без дикой страстной искры в глазах на сцене делать нечего. Ее руки на мне, мои кокетливо скользят по ее талии, мы будто две змеи извиваемся у шеста, заигрывая и с ним, словно с мужчиной, и друг с дружкой, и с залом. Оказываемся слишком близко, чтобы дать надежду зрителям на эротическую ласку, и достаточно далеко, не позволяя себе сорваться. Наши языки синхронно облизывают стальной пилон, чуть ли не соприкасаясь. Мы обе замечаем, как первые ряды чуть придвинулись, в надежде увидеть страстный поцелуй.

Но нет, мы не дадим им этого. Пока, во всяком случае. Сейчас — только намек. Азия отстраняется, чтобы сделать свой сногшибательный проход по сцене, немного покрутить аппетитной попкой, стоя на четвереньках, а я поднимаюсь на шест, чтобы выполнить еще несколько интригующих фигур на высоте, параллельно еще раз сканируя зал на наличие контингента.

И опять этот обжигающий взгляд с шестого столика. Что ж, поиграем в гляделки,

мальчик. И не таких обламывала.

Мелодия заканчивается, я вновь оказываюсь висящей вниз головой в сексуальном изгибе, поддерживая себя на шесте захватом бедрами, руки мои раскинуты в стороны, вроде как приглашающий жест — вот она я, подходи и бери. Азия оказывается на коленях передо мной, впиваясь в мои губы влажным поцелуем на несколько секунд. А я не отвожу взгляда от мужчины за шестым столиком, который явно надеется от меня сегодня получить нечто большее, чем обычные танцы.

Номер закончен, начинает звучать новая мелодия, выходят следующие девочки. В клубе всего три сцены. Основная — большая, с тремя пилонами, еще две поменьше, стоят по бокам в зале. В vip-зоне небольшое возвышение под сцену, обычно без шеста, зато с клетками. Уж очень наши випы любят образ пленниц.

Я со сцены удаляюсь, оставляя Азию с еще двумя новыми девочками, успеваю шепнуть ей про рыжего парня в голубой рубашке, который не прочь пригласить мулатку в приват, а сама иду к своей гримерке, скорее снять дурацкие стрипы, на которых невозможно ходить. Мои любимые «курицы» уже в нетерпении ждут план действий. Чувствуя себя разводящей в борделе, что в некотором роде недалеко от истины (все-таки не все из нас придерживаются строгих моральных принципов, ограничиваясь только танцем на коленях), собираюсь выдать список указаний.

Девочек у нас много, пока одни танцуют на сцене, другие спускаются в зал, заработать себе дополнительные чаевые. Не обязательно, конечно, но кто ж от денег-то отказывается?

— Настя, четвертый столик надо напоить, устрой ему текилу с живота, к випам можно и новеньких пустить, но учтите, там руки будут распускать. — Золотая молодежь не сильно отличалась сдержанностью, зато родительских денег не считала. А сегодня так вообще юнцы, им только дай прикоснуться. Интересно, наш директор не боится, что его поймают на продаже алкоголя несовершеннолетним? — Так, что у нас там еще? У сцены, как обычно, фантики, можете не сильно стараться, лучше разводите на спецменю. Мужика за девятым надо вообще на сцену вытащить, Лена и Марта, сделаете? Ваш коронный. Он вас потом еще в приват потянет. Кому дьявольски горячего красавца за шестым?

— Так он же вроде по твою душу? — с сомнением произнесла Соня, которая в клубе работала под псевдонимом Блестяшка. — Он с тебя вообще глаз не сводил.

— Обойдется. Поиграю сегодня в недотрогу. Плачу штукарь тому, кто разведет его на приват, — решила подстегнуть интерес к красавцу нашей женской армии.

— От такого мужика отказываешься, дура! — ответила все та же Блестяшка, поправляя перед зеркалом загорелый бюст, намереваясь идти в атаку. Эх, не завидую я красавчику, такая артиллерия на него сейчас попрет.

Алек

— Менеджера позови.

Настроение было ни к черту. Пришел развеяться, насладиться людской похотью и развратом. И этого вокруг навалом. А вот заинтересовавшая меня особа — упорно игнорирует.

— Добрый вечер, меня зовут Анна, я менеджер этого клуба.

Быстро оглядел этого самого менеджера. Ничего так, неплоха. Блондиночка, вся в белом.

Из-за ультрафиолетовой подсветки ее одежда казалась практически прозрачной, из-под блузки проглядывал золотистый лифчик. Что ж, возможно, позже я уделю этой женщине немного своего времени.

Жестом приглашаю девушку присесть. Любопытно, такая молоденькая, а уже менеджер. Наверняка место получила за особые старания.

— Скажи мне, Аня, почему у тебя в клубе сотрудницы позволяют себе игнорировать клиентов?

— Я приношу свои извинения, я немедленно позову к вам кого-нибудь из девушек.

— Я не хочу кого-нибудь. Я хочу ту, которая открывала вечер.

— Азию? — Менеджер тщетно попыталась сделать вид, что не понимает, о ком я говорю.

— Евразию, блин! — резко прервал ее я. Не люблю, когда из меня пытаются сделать дурака. — Ты прекрасно поняла, кого я имел в виду.

— В таком случае я вынуждена вас огорчить. Кенна сама решает, с кем она проводит вечера. Могу предложить вам Анастасию и бесплатный напиток из бара в качестве бонуса от нашего заведения.

— Я как-то неявно выразился? Я хочу, чтобы меня обслужила Кенна. — Какое же дурацкое имя для стриптизерши. Хотя все равно лучше всяких Лучиков Света, Улыбок или Блестяшки, прости Бездна. — С каких пор стриптизерши у нас на особом положении? Скажи, чтобы пришла. Танец на коленях — для начала.

— Это невозможно. Кенна не исполняет танец на коленях. Может быть, все-таки кто-то еще из девочек вас порадует? У нас есть совсем новое пополнение.

Ее лепет начинает меня раздражать. Просто бред какой-то. Дожили, называется.

— Я так понимаю, вы просто цену ей набиваете? Анечка, давай поступим следующим образом. Я сейчас арендую у вас в клубе приват-комнату, скажем, на час. Может быть, с продлением. Ты идешь и говоришь, чтобы твоя сотрудница меня обслужила. И получаешь от меня бонус. — Я кинул на стол две пятитысячные купюры. Менеджер неуверенно посмотрела на них, но все-таки взяла, сложив пополам и убрав в карман пиджака. Умница какая.

— Я посмотрю, что мы можем сделать. Но ничего не могу обещать. Кенна и правда находится на особом положении. Я должна предупредить вас, что оплатить приват-комнату нужно будет заранее. Возврат денег мы не осуществляем, даже если вы закончите раньше. Жалобы по поводу действий нашей сотрудницы тоже не принимаются.

Прямо интересно, что это за золотая антилопа такая, что с ней тут так носятся? Ничего, сейчас увижу. И жаловаться точно будет не на что. Ни мне, ни ей.

— И еще, — все продолжала тараторить менеджер Аня, по ней было видно, как она не хотела расставаться с деньгами. — У Кенны строгие правила. Никакого физического контакта. В случае конфликта нам придется попросить вас покинуть наше заведение.

Пфф... Чуть не рассмеялся в голос. Эх, поверь мне, девочка, твоя Кенна через десять минут сама будет умолять меня о «физическом контакте», как ты тут выразилась.

— Я еще раз хочу предложить вам выбрать кого-нибудь другого, — продолжала досаждать мне менеджер Аня.

— Я не понял, ты еще здесь? — нагрубил я, заставляя эту тупую овцу начать отрабатывать свои деньги.

Блондинка встала, поправив на себе пиджак. Судя по выражению ее лица, она и сама

недовольна своей строптивой сотрудницей. Ничего, потерпи немного, через часок-другой станет твоя Кенна как шелковая.

— Проходите в пятую комнату, я распоряжусь охране, чтобы вас пропустили. Что-нибудь подать?

— Напитки на усмотрение девушки, — отмахнулся я, допивая свой виски и направляясь в пятую комнату для привата.

У входа стоял здоровенный амбал, которому я при своем немалом росте едва доставал до плеча. Ни дать ни взять — шкаф. Добротный советский шкаф, из тех, которые в квартиры ставили еще на этапе строительства по причине их абсолютной неподъемности. Посмотрев на охранника снизу вверх, оценил полное отсутствие эмоций, впрочем, как и признаков мыслительной деятельности на лице. Про таких только и снимать порнушку в формате «черный властелин».

Внутри меня запустили, было заметно, как амбал кому-то кивнул — видимо, Анечка дала «добро». Пройдя через плотные шторы, несколько огорчился, все-таки дверь лучше запирает звуки внутри помещения. Хотя мне-то стесняться нечего. Это девица будет потом краснеть, расставаясь с репутацией недотроги. Ничего, амбалище, зато сегодня твой день. Наслушаешься сладких женских стонов, захочешь, можешь даже подсмотреть, мне не жалко, я щедрый.

Комната для привата встретила меня мягким освещением и тихой музыкой. Почти у самого входа стоял широкий кожаный диван, неплохой, кстати, удобный. Перед ним невысокий столик, с виду крепкий, но вряд ли мы с Кенной сможем воспользоваться им не по назначению. И можно было бы предположить, что мебелировка на этом в комнате для привата заканчивается, но нет. У противоположной от входа стены, на небольшом возвышении, совершенно неожиданно обнаружилась душевая кабинка, перед ней кресло, массивное, с резными подлокотниками.

Вслед за мной в комнату вошла официантка, ставя на стол бутылку самого дорогого виски и один бокал. Что ж, девчонка не дура, пользуется возможностью. Будто я не знаю, что процентов двадцать пять с заказа ей пойдет в бонус за смену. Ну и пусть, мне не жалко, говорю же, я щедрый.

Кенна

— Кен, я тебя очень прошу! — Мне кажется, я впервые практически довела своего менеджера до желания стоять передо мной на коленях. — Он проплатил комнату на час. Без возврата денег. Я его обо всем предупредила, он на все согласен. Сходи, устрой ему свою стандартную программу.

— Аня, ты меня знаешь. Я сама выбираю себе клиентов, ты не имела права отправлять его в мой приват!

— Кенночка, ну прошу. Хочешь премию? Черт, что я вообще перед тобой распинаюсь? Я, мать твою, твой начальник, и я требую, чтобы ты немедленно пошла и обслужила клиента в своем долбаном привате!

— Признавайся, сколько он тебе дал? — Я посмотрела внимательно на Аню, лукаво подмигивая. Точно же знаю, что он ее подкупил, я такие вещи за версту чую. Надо же хоть узнать, насколько красавчик щедрый.

— Десять, Кен. И час комнаты, плюс напитки на твое усмотрение. Я тебе отдам сорок процентов с его заказа с бара.

— А если не расплатится он после моего заказа?

— Расплатится и тебе еще отстегнет. Я видела его котлету денег, когда он мне купюры доставал. Это чертов сексуальный банкомат без лимита. Иди давай.

— Ладно, — нехотя согласилась я. Придется попросить свою интуицию помолчать чуток. — Пусть принесут ему бутылку, что у нас там самое дорогое? Раз говоришь, что банкомат на ножках. Но это в первый и последний раз.

Что ж, пойдём посмотрим, чего этому красавчику настолько неймется.

Алек

Свет в комнате погас, над креслом, наоборот, зажглось точечное освещение. Я так понимаю, меня приглашают присесть. Что ж, оценим обязательную программу, все-таки она уже оплачена. Подразню аппетит, так сказать. Я сел в кресло, в душевой кабине включилась вода, и матовое стекло стало запотевать от горячего пара. Заиграла музыка, что-то из рока. У девушки есть музыкальный вкус, не может не радовать. Хотя для того, что я собираюсь с ней сделать на этом великолепном диване, это совсем непринципиальный момент.

За кабинкой душа шелохнулась очередная штора, вероятно, пришла моя долгожданная стриптизерша, но видеть я ее не мог. Посидим, подождем. А вот и первая часть тела! Ура! Справа от кабинки показалась рука, демонстративно помахивающая мини-юбкой, которая была на девушке во время ее выступления. Миниатюрный кусок ткани полетел на пол, а я смог расслышать сквозь музыку звук расстегивающейся молнии. Вслед за юбкой на пол был сброшен корсет. Это что получается, стриптиз есть, а тела нет? Или я не с той стороны сижу? Так и захотелось встать с кресла, подойти поближе и задать вопрос этой неправильной стриптизерше.

Словно угадывая мои мысли, из-за кабинки показался игривый указательный пальчик, демонстрирующий мне строгим покачиванием — «нет, сиди на месте». Вот ведь чертовка! За корсетом на пол полетели черные кружевные трусики. Эх, жаль, не в меня. И тут удовольствия лишила, хулиганка.

Двери кабинки открылись, судя по звуку, девушка вошла под струю вертикального тропического душа. Теперь передо мной была смутно узнаваемая из-за обилия пара фигура. Еще чуть-чуть, и я начну скучать.

Музыка сменилась на более классическо-эротическую. Лениво откинулся на спинку кресла, ожидая, что будет дальше. Девушка начала двигаться в такт музыке, заставляя зрение напрягаться в попытке увидеть ее фигуру четче. Провела рукой по стеклу кабинки на уровне своих глаз. Я придвинулся ближе, по-прежнему оставаясь в кресле, как мне было велено наглым грозным пальчиком. Кенна смотрела на меня не отрывая взгляда, в глазах огонь страсти, готов поклясться, неподдельный, глаза фисташкового цвета с золотыми крапинками, волшебные, манящие. Я замечал, как ее руки гуляют по ее телу, намазывая его, но не мог оторваться от этого взгляда, практически застонав, когда девушка прервала наш зрительный контакт, поворачиваясь ко мне спиной. Но сразу компенсировала это, прижимаясь к матовому стеклу своей попкой. От соприкосновения с влажным телом стекло стало практически прозрачным. Я почувствовал, как внутри меня поднимается жар. Ух, девочка, ты

играешь с огнем.

Теперь я намного лучше видел, как ее руки гуляют по бедрам круговыми движениями, растирая кожу гелем в такт музыке. Так бы и впился зубами в ее аппетитный зад. А кто мне, собственно, помешает? Чуть позже — обязательно. Снова ее разворот, и сладкая попка исчезает в клубах пара, зато возвращается жгучий голодный взгляд. Девушка ладонями прижалась к стеклу, опираясь на него. Я чувствую, как она зовет меня своими дьявольскими глазами. Манящие движения все того же наглого пальчика подтверждают мою догадку. Я встаю и подхожу к стеклу, продолжая смотреть в фисташковые глаза. Кладу свои ладони на ее, нас разделяет только тонкое стекло кабинки. Ее ладони спускаются ниже, и я следую за ними, начинает казаться, что эта грань между нами истончается, исчезает с каждым сантиметром синхронного движения руками.

Девушка прижимается к стеклу обнаженной грудью, и разум предательски покидает меня. Так бы и разбил чертову преграду между нами, чтобы почувствовать ее горячую влажную кожу. Соски девушка стыдливо прикрывает пальчиками, мои руки сами тянутся прикоснуться к ее груди, приласкать ее, убрать ее пальчики, чтобы увидеть и прикоснуться к соскам, но натываются лишь на отрешенную прохладу матовой поверхности. Фантазия живо рисует, как девушка ласкает себя. Томительные секунды, минуты только больше распалют огонь во мне. Кенна извивается, выгибается, давая увидеть то свой идеальный плоский живот, то вновь соблазнительную задницу, по которой так и тянет шлепнуть, то ко мне возвращается ее горячий взгляд.

Музыка замолчала, сообщая, что этой невыносимой пытке пришел конец. Девушка посмотрела на меня, чуть приподнимая бровь, глаза так и горели предупреждением. Так что, помня, насколько (пока еще) девица принципиальна, я направился к столику, налить себе виски. Мое тело аж трясло от сексуального напряжения, даже дыхание перехватило. Я едва сдерживал себя, чтобы морок с внешности не слетел. Хороша, чертовка. Она стоит каждой копейки, что в нее вложено. Сел на диван, открыл бутылку, наблюдая, что же будет дальше.

А дальше неправильная стриптизерша продолжила ломать устои, начав самым наглым образом одеваться, по-прежнему лишая меня возможности лицезреть столь прекрасный (хотя нет, ужасный!) момент. Сквозь стекло я заметил, как девушка отжала волосы, чуть присушила их полотенцем и накинула на себя шелковый бежевый халатик, подвязывая его поясом.

Кенна подошла к дивану и села на противоположную от меня часть. Из кармана халата она достала один черный чулок-сетку, который быстро скатала и начала не спеша натягивать на ногу. Потом проделала то же самое со второй ногой, опираясь ступнями прямо на стол. Я поймал себя на мысли, что совершенно не могу оторваться от этого зрелища. После чулок настала очередь нижнего белья. Девушка поднялась с дивана, повернулась ко мне спиной, натягивая трусики. Кенна точно знала, как сильно она может нагнуться, чтобы халат лишь слегка дал мне надежду увидеть ее ягодицы. Я выпил, чтобы вернуть себе контроль, пока не накинута на нее, чтобы взять прямо на чертовом ковре.

— Ты какая-то неправильная стриптизерша, — решил ознакомить девушку со своей точкой зрения, когда она ловко нацепила на себя пояс для подвязки чулок. — Обычно вам положено раздеваться для клиента, а одеваться уже где-то за кулисами. А не наоборот.

— Хочешь сказать, тебе не понравилось?

Улыбается. Она точно же знает, что понравилось.

— А то ты не знаешь... Станцуй для меня еще, — попросил я. Пора уже начать играть

по моим правилам.

— Я не танцую на коленях. Забыл? Никакого контакта.

— Что ж, пусть это будет танец, сидя на столе. Хочу посмотреть, что ты еще можешь показать.

Девушка лениво устроилась на краю стола, напротив меня. Ноги слегка раскинула, края халата прикрывали интимное место между ног, руками она оперлась на свои колени, то сводя, то разводя их. Тело совершало томные выгибания. Я принял вертикальное положение, чтобы оказаться ближе, протянул руку, обхватывая правое запястье девушки.

Секунда, и я отправляю ей свою энергию. Сейчас Кенна почувствует легкое покалывание на месте контакта, после чего по всему ее телу моментально пройдет волна безудержной похоти, превращая девушку в рабыню моих желаний. Я же обещал, что она напрочь забудет всю свою принципиальность и будет валяться у меня в ногах, умоляя, чтобы я трахнул ее. Всего секунда.

Кенна подняла на меня взгляд, я видел, как меняется выражение ее лица. Так-то, девочка, ты не знаешь, с кем связалась.

— Отсоси мой член, — мягко приказываю я, все еще держа ее за руку, пусть получит больше моего сладкого яда. Я хочу послушную игрушку, в конце концов, она не на шутку раззадорила меня, и я уже не уверен, что заказанного мною часа хватит. Надеюсь, нас не решат прервать по истечении времени...

Девушка послушно поднялась со стола, приближаясь ко мне. Опустила одно колено сбоку от меня, второе с другого, нависая над моим лицом. Если в ее понимании минет нужно начинать делать с предварительных поцелуев, я пока не буду против, но, пожалуй, запущу еще чар, чтобы стриптизерша стала поисполнительнее.

Девушка зависла около моего уха, обжигая меня своим горячим дыханием, практически касаясь меня губами.

— Если ты сейчас не уберешь от меня свою лапу, я тебе ее сломаю, — прошептала она обманчиво приторным голосом, выдергивая меня из моих фантазий. Что? С какой Бездны?! Почему не сработало?

Руку я отпустил, девушка отстранилась, вставая с дивана.

— Наша встреча окончена, — огласила она, а я все никак не мог понять, почему магия не сработала. Наверное, у нее сильная психика, такое бывает, я читал, врожденный ментальный блок. Что ж, на этот случай всегда есть запасной вариант.

— Стой, не уходи.

Кенна остановилась, складывая руки на груди, вновь приподнимая бровь.

— Ты нарушил условия, никакого контакта. Я так не работаю. А если нужна минетчица, то ты вообще не по адресу.

— Поцелуй.

— Что?

— Один поцелуй. Я заплачу. Потом как хочешь, держать не буду.

Реакция девушки меня категорически не устроила. Она рассмеялась в голос, заливисто, даже голову запрокинув.

— Избалованный мальчик не привык получать отказ? — улыбнулась она. Ничего, я заставлю тебя пожалеть о твоих словах. Минетом ты точно не отделаешься.

— Десять тысяч, — начал я торги с весьма щедрого предложения — за один-то поцелуй.

Кенна даже бровью не повела. Черт, она что, в деньгах купается, если десятка за

поцелуй ее никоим образом не волнует?

— Сколько ты хочешь?

— Да я смотрю, ты в отчаянии, — протянула она, тем не менее все еще не собираясь уходить. А могла бы. Значит, все-таки зацепил предложением. Или ей просто поглумиться хочется? — Денег-то хватит?

— Сколько? — прошипел я. Железы с феромонами во рту уже набухли, так что я был готов к любому предложению.

— Шестьдесят.

Шестьдесят тысяч? Да она охренела.

— Деньги вперед.

Я потянулся к бумажнику, выкладывая нужную сумму на стол. Так эта нахалка еще и поморщилась недовольно. Видимо, ожидала, что, услышав такую цифру, я отступлюсь. Ничего, людских бумажек не жалко, говорю же, я щедрый. Да и как будто она вспомнит про деньги, когда я с ней закончу. Черт, из-за набухших желез даже высказать ей сейчас ничего могу. Бесит. Девушка взяла деньги со стола, пряча их в карман халата, и, подойдя ближе, нагнулась ко мне, запуская пальцы в мои волосы.

Наши губы соприкоснулись, я полностью отдал инициативу ей. Пусть покажет, что она оценила в столь кругленькую сумму. Железы во рту в нетерпении ныли, желая поскорее выпрыснуть феромоны. Немного жестоко по отношению к бедной стриптизерше, а что делать? Я уже настроился на увлекательный вечер. Да, в отличие от чар, после феромонов ее отпустит только ближе к утру. Но опять же, во всем есть свои плюсы. Возьму ее к себе, проведем незабываемую ночь. Хотя кому я вру? Кенна вряд ли что-то вспомнит после моего яда, а я... ей придется как следует постараться, чтобы оставить отпечаток в моей памяти о нашей ночи.

Девушка осторожно проникла в мой рот своим влажным языком, начиная все увереннее и настойчивее изучать каждый его уголок. Я впрыснул свой яд в слюну. Сейчас она может ощутить чуть терпкий привкус, но скорее всего и не заметит, особенно после того, как я выпил виски. Да и разницы не будет. Феромоны действуют моментально, впитываясь в слизистую, попадая в кровь и с каждым ударом сердца все больше насыщая сладким ядом человеческий мозг. Кенна дразнила своим языком, массировала мою голову ладонями, крала мое дыхание своей страстью. Я потянул к ней руки, желая прикоснуться наконец к ее аппетитной заднице, скрытой тонким халатиком, как тут же получил ощутимый укус за губу. Это завело меня еще больше.

Кенна резко отстранилась, делая от меня два шага назад.

— Ты, красавчик, судя по всему, вообще не умеешь держать себя в руках. Досадно. Ладно, я свою часть выполнила. Приятного вечера.

Кенна направилась к выходу из приват-комнаты, а я сидел, не понимая, какого черта сейчас произошло? Я, блин, инкуб в самом расцвете сил, почему не сработало-то?

— Менеджера мне позови! — крикнул я вслед девушке, радуясь, что хоть бутылка виски есть. Похоже, напьюсь сегодня с горя. Я, мать твою, еще слишком молод для того, чтобы даже железы перестали нормально работать...

Ночь проходила великолепно. Я не могла не нарадоваться легким деньгам, которые этот придурок отвалил за какой-то поцелуй. Нет, вы не подумайте, это вообще не в моих правилах. Опыт, набранный с годами в профессии, позволил мне выработать безотказную технику работы. Я не берусь за кого попало. Мой контингент — уставшие от всего состоятельные мужчины, которых уже не удивишь сиськами-письками. У них уже все было, они уже на все насмотрелись, а в клубы продолжают ходить в поисках чего-то, что тронет каменное сердце, как правило, надежно спрятанное под несколькими килограммами жировых отложений. Для таких, как они, я и работаю. Необычная, недоступная. Стриптизерша, которая не раздевается, которая не танцует на коленях и не старается ублажить. И их это цепляет. Не всех, конечно, но те, кто не ведется, — просто не мой контингент. А дальше я начинаю их «вымораживать». Полное игнорирование со случайными намеками, затем томные взгляды, и снова игнор. Дразню их, обслуживая окружающих, заставляю просыпаться их комплексы, которые богатые дяди так усердно лечат у психологов. Затем в дело вступает Аня, которая отказывает этим VIPам в приватах со мной. Некоторые начинают приходить каждый вечер, ожидая, когда же я удостою их каплейкой своего внимания. И они его получают — рано или поздно. Кто-то ломается раньше, так и не дождавшись своего привата, подсчитывая, сколько денег уже вложил в меня, а кто-то превращается в настоящих маньяков, стараясь узнать, где я живу, мой номер телефона, начиная преследовать. А уж сколько предложений интимного характера мне поступало, подумать мерзко. Да и суммы были разные. И я всегда отказывалась. Все-таки у меня принципы.

С красавчиком я этого всего не планировала. Категорически не собиралась к нему подходить. Но шестьдесят кусков за поцелуй! Я взяла цифру с потолка, уверенная, что клиент отстанет, охренев от такой наглости. А нет, деньги сразу достал. Даже промолчал. Интересно, а если бы запросила сотню, тоже бы отстегнул?

Не, красавчик, конечно, хорош. Да и поцелуй мне понравился. Парень даже на вкус оказался таким же шикарным, как и с виду. Приятный, терпкий... Но вот это его «отсоси» — наглость какая! Слишком он уверен в своей неотразимости. Таких надо спускать с небес на грешную землю. Интересно, а где это шляется наш менеджер? Она как с красавчиком отправилась разговаривать, так ее уже часа три не видно.

— Кенна!

Ну вот, помяни черта, чтоб не сказать грубее...

— Да, Ань? — я посмотрела на начальницу. Вид у нее был... как бы так сказать, помягче... жрица любви после команды моряков дальнего плавания выглядит менее... использованной, что ли? — Анька, что с тобой? — спросила я, не уверена, больше из зависти или из любопытства. Все-таки на моем личном фронте был полнейший штиль.

На губах девушки играла улыбка блаженной дурочки, в глазах задумчивая пустота, совсем как у охранника Славика.

— Кенна... Какая же ты идиотка. Такого мужика отшила...

— Красавчика, что ли? Ты что, с ним? — Ушам не верилось. Чопорная ханжа (как ее вообще занесло в таком клубе работать?), которая разговаривать-то с нашей клиентурой лишний раз брезговала. Кто бы мог подумать!

— И что, сколько заплатил? — интересно же знать, насколько мужик щедрый и во сколько оценила себя начальница.

— Вот точно дура ты, Кенна. Какие деньги? Да я бы сама ему заплатила, чтобы еще раз

такое повторить. В жизни такого не было...

Это у нее настолько жизнь скучная или мозг у нее в приватной комнате остался?

— Кенна, мы с ним три часа... Без передышки. Это какая-то фантастика.

— Прямо три часа? — с сомнением переспросила я.

— Три, дурочка. Три! Я тебе премию выпишу, что ты такого мужика послала и он мне достался.

— Что, вот прям настолько классно?

— И даже лучше. Он просто воплощение секса!

— Так, стоп! Давай ты вот прямо сейчас вспомнишь, что ты моя начальница и мы с тобой не подружки. Так что не надо мне тут в подробности вдаваться. Считаю, уже завидую, — ну да, а как тут не завидовать, если у меня уже шесть лет секса не было. Шесть!

Да и когда мне организовывать свою личную жизнь? По ночам я почти всегда в клубе, с утра надо выспаться и идти в зал, а после... Когда как. Постоянно что-то нужно. Придумать новую программу, репетировать танцы, устроить поход за новыми сценическими образами, салоны красоты опять же. И для себя тоже нужно пожить успевать. Хоть в кино выбираться. К тому же вот где можно познакомиться с нормальным парнем? Клиенты почти всегда сплошные отморозки, в спортзале — качки с тупыми подкатами. Да и работа у меня такая, что мало кто выдержит. Мне самой кажется, что вряд ли я смогу встречаться с парнем, который спокойно станет провожать свою девушку раздеваться по ночам перед другими мужиками (ну и что, что я не раздеваюсь? Это скорее дело принципа). Принципы, принципы. Что ж я такая вся принципиальная? Сама себе жизнь усложняю.

— Ань, давай ты лучше меня домой отпустишь? Девчонок хватает, я на хлеб заработала, клуб тоже с меня сегодня неплохо поимел.

— Да, иди, — отмахнулась моя начальница, судя по всему, продолжая витать в облаках.

Пользуясь случаем, пока менеджер не пришла в себя, направилась в примерку переодеваться. Справилась я быстро, такси уже ждало на улице. В клубе есть душевые кабинки для персонала, но я предпочитаю мыться дома (часть работы в привате не в счет). Дома оно же и уютнее. Так что мне нужно было просто переодеться, избавляя свое тело от высоких каблук и узкого корсета. Ноги ощутили приятную мягкость новых кроссовок. Я надела на себя серые спортивные штаны и такую же серую толстовку, волосы собрала в хвост, на голову накинула капюшон. На выходе для персонала меня ждал Виталик. Мой Виталик, здоровенный охранник, надежный, как скала. Сколько раз он уже отбивал меня от навязчивых поклонников, не сосчитать. Виталик взял мою сумку и проводил до такси, убеждаясь, что сегодня никто преследовать меня не собирался.

На часах было только начало второго, Москва еще была пустой, так что до дома я доберусь быстро. Люблю, когда появляется возможность уехать из клуба не по закрытию смены, а раньше. Город почти пуст, все жители или спят, или отдыхают в клубах-ресторанах. Подсветка у зданий создает почти сказочные виды, отвлекая взор от грязи вокруг. Проезжая по набережной, можно отдохнуть, просто взглядываясь в черную воду реки.

Центр Москвы мы покинули без проблем, в своей квартире я оказалась через тридцать пять минут после выхода из клуба. Дома никто не встречал. Я даже кошку побаивалась заводить, решив, что со своим бешеным ритмом жизни обязательно буду забывать ее кормить. Вещи из сумки закинула сразу в стирку. Деньги за вечер, чуть больше восьмидесяти тысяч, спрятала в копилку. Надо будет завтра с утра в банк сходить, перевести предкам на расходы. И еще чуть закрыть платежи по ипотеке. Еще бы несколько таких красивых и

щедрых дураков, и выйду из этой банковской кабалы.

Ничего, я не жалуясь на самом деле. Зарплата в месяц у меня выходит и так отличная, так что ипотеки-то, считай, и нет. И родителям помогаю. Вон, полгода назад даже отцу машину подарила, а то он со своей «девяткой» уже всех извел. Еще лет десять назад.

Я включила воду, чтобы прогреть душ, кроссовки сняла в коридоре, еще при входе. Посмотрела на себя в зеркало и поняла, что забыла в клубе отстегнуть накладные волосы. Многие девочки предпочитают волосы наращивать, чтобы шевелюра была как можно пышнее, но мне себя жалко. Я вообще стараюсь относиться к своему телу как к храму. Особенно видя, как профессия со временем негативно отражается на молодом теле. Даже закрывая глаза на профессиональные травмы от пилона и на неудобную обувь. Вы только представьте себе: постоянные наращивания ногтей и волос, море алкоголя (да, да, если клиенты угощают, отказываться же нельзя. Я в начале карьеры вообще думала, что сопьюсь). А потом попытки вернуть былую красоту на столе у пластических хирургов и косметологов. Сиськи, губы, попы... Все лишнее откачать, кожу натянуть, силиконом наполнить. Только вот сомнительная это красота, как по мне. Я держусь, потому что смогла выбить себе особые условия. Но даже при моих поблажках, сколько я еще буду оставаться в тренде? Все-таки мне уже двадцать пять. Практически старуха в наших кругах. Я всегда понимала, что не буду стриптизершей долго. Так, заработать на квартиру, поддержать родителей, отложить денег на несколько лет скромной жизни, а потом уже и по специальности идти работать. Диплом же я зачем-то получала?

Может быть, уеду в Германию, встречу высокого голубоглазого немца, выйду замуж, нарожаю деток. Эх, мечты, мечты.

В дверь позвонили. Вот это странно, я никого не ждала. Подошла посмотреть в глазок.

Батюшки, да там красавчик с шестого столика стоит! Черт, с букетом роз и конфетами... Вот же не везет-то. Как знала, как чувствовала.

Снова звонок, и глухое:

— Открывай, я знаю, ты там.

— Маньяк, — отвечаю я, убеждаясь, что все замки заперты. На случай таких визитов рядом с дверью стоит металлическая бита. — Проваливай. Я полицию вызову!

— Я не уйду, — пригрозил красавчик. — Лучше по-хорошему открой.

Дебил, честное слово. Дверь металлическая, как будто он сможет с ней что-то сделать. Но тем не менее битую я на всякий случай взяла в руки, отправляясь в комнату, чтобы взять телефон и вызвать полицию. И Виталика заодно. Хоть кто-то да навалит этому озабоченному придурку.

Взяла телефон, набрала сначала Виталика, развернулась посмотреть на дверь. В коридоре стоял он. Я даже телефон выронила. Это в каком состоянии надо находиться, чтобы, проверяя замки на двери, случайно их открыть, впуская маньяка в квартиру?

Парень бросил цветы и конфеты на пол, вытянул в мою сторону руку, растопырив пальцы. И замер. На секунду мне показалось, что я увидела слабую вспышку света из ладони. Наверное, пора в отпуск идти, переработала. В глазах мутнело, голова начала кружиться. Странная у меня реакция на стрессовую ситуацию. А этот псих стоит передо мной, сверлит глазами и что-то бубнит себе под нос. Надо заканчивать этот цирк. Взмахнула битой и ударила его.

— А-а-а-а-а! — раздался крик на всю квартиру. Псих схватился за свою ладонь, прижимая ее к телу. — Ты мне руку сломала!

— Я тебе сейчас еще и череп проломлю! — Да, бита в руках определенно добавляет уверенности в себе. — Ты ко мне в квартиру вломился! Пошел вон отсюда.

— Я все понять не могу, почему не действует? — обратился сам к себе парень. Может, он наркоман? Обдолбался чем-то, теперь не понимает ничего? Зато наркоманы вроде пугливые. Сделала шаг к нему, еще раз замахиваясь для удара.

Красавчик махнул рукой, даже не прикоснувшись ко мне. А я почувствовала, как невидимая волна бьет меня в грудь, отрывая от земли. И я лечу. Все вокруг начинает двигаться, словно при замедленной съемке.

Я вижу, что картина на стене висит чуть криво, бита из руки не спеша падает на пол, я задеваю край дивана босыми ногами, перелетая его. Начинаю опускаться на стеклянный журнальный столик с металлическим основанием. Успеваю зажмуриться, хотя как мне это может помочь? Руки тоже бесполезно рассекают воздух в полете. Первой стекла касается моя спина. Я слышу громкий треск. Тупая боль. Ощущаю мгновение, прежде чем стекло начинает осыпаться вниз под тяжестью моего тела. Вслед за спиной ударяется голова, на самом стыке с шеей, только уже не о стекло, а о металлический край стола. Резкая боль, в ушах оглушительный хруст. Сначала такое чувство, что голова просто взорвалась, а потом холодное онемение распространяется по телу. Я вижу потолок и спинку своего бирюзового дивана, через который только что перелетела. Понимаю, что уже лежу на полу и что шея вывернута абсолютно неестественно, но ничего больше не чувствую. Только как теплая кровь стекает по коже.

Маньяк видит эту картину и подходит чуть ближе.

— М-да, неловко получилось, — а в голосе ни капли жалости. Поморщился, взъерошил волосы на затылке.

Сознание начинает угасать, я вижу, как незваный гость идет к двери, проворачивает замки и выходит из квартиры, оставляя меня умирать в одиночестве. А потом пустота...

Будильник мерзко орет, но звук доносится как будто издалека. Наверное, опять оставила телефон в гостиной. Хорошо, что хоть слышу. Не хотелось бы проспать всю субботу. Нехотя встаю с кровати, тащу свою заспанную задницу на поиски телефона. Выхожу в гостиную.

Боже мой, что тут вчера произошло?! Журнальный столик разбит, пол усыпан мелкими осколками, мой бежевый ковролин в крови, смартфон валяется на полу с разбитым экраном. Прохожу в коридор, на полу валяется букет красных роз и коробка конфет. Обстановка словно в кино о крайне неудачном свидании... Проверяю дверь — не заперто. Голова раскалывается, вчерашний вечер не помню. Поднимаю остатки телефона с пола, чтобы выключить будильник. И очередную неприятную новость сообщает мне треснувший экран. Сегодня воскресенье. А должна быть суббота... Остается единственное логическое объяснение.

Вчера меня убили.

Неожиданно? А я вам разве не говорила еще? Ну, тогда сюрприз! Нельзя меня убить.

Звучит, конечно, пафосно и красиво, я бы даже сказала, перспективно, но на деле полная хрень, если честно. Может, кто-то решит, что о таких вещах следует рассказывать в первую очередь. А что по мне, так о подобном лучше вообще помалкивать, пока куда-нибудь не закрыли.

А началось все это в недалеком 2006 году...

Я только окончила школу, поступила в университет и как раз собиралась переезжать в Москву. Вещей с собой собрала не очень много, решив, что если что-то потребуется, родители мне передадут с водителем. Так что на руках у меня была только объемная спортивная сумка всего самого необходимого на первое время. Вечер прощания прошел нормально, тихо, по-семейному. Мама с папой проводили меня на автобус, я села в самый конец и сразу заснула.

Проснувшись в собственной постели, все в том же Воронеже, от громкого рыдания матери. Вскочила, накинула халат и побежала смотреть, что стряслось. Мама с папой сидели на кухне, ко мне спиной, смотрели телевизор. Диктор новостей рассказывала, что ночью на трассе рейсовый автобус Воронеж — Москва вылетел на встречную полосу движения и столкнулся с фурой. Удар собрал еще несколько машин, автобус быстро загорелся. Выживших нет, а вероятная причина аварии — вина водителя автобуса, уснувшего за рулем. Присмотревшись к кадрам с места происшествия, узнала свой автобус по расцветке.

— Боже, — ужаснулась я вслух. Родители на меня обернулись, мама сразу в обморок упала. Папа успел произнести: «Доча?» — и последовал маминому примеру.

Я сразу набрала «Скорую» с домашнего телефона, полезла в аптечку за нашатырем, валидолом и тонометром. Глаза боялись, руки делали. Папа очнулся первым, сразу после первого вдоха резкого аромата аммиака, помог перенести маму на диван. Открыли форточки, напустить побольше свежего воздуха. Мама была вся бледная, когда глаза открыла и меня увидела, папа пошел за пузырем. Мужчина он, конечно, стойкий, несмотря на возраст. Но всему же есть предел.

— Настенька... — Мама взяла меня за руку, словно не веря. Чуть опять в обморок не

упала.

— Ты же в том автобусе ехала, — сказал папа, выпив первую рюмку залпом. — Мы даже звонили, телефон недоступен. Как же так-то...

Я и сама не знала, стала врать на ходу, чтобы только родителей успокоить, пока опять в «Скорую» не пришлось звонить, первый вызов я уже успела отменить, убедившись, что мама в порядке.

— Я на первой стоянке вышла покурить, пошла потом за водой, а в магазине очередь. Опоздала на автобус, они без меня уехали, со всеми вещами, и телефон там остался. На попутках обратно еле добралась, уже поздно было, будить вас не стала...

— Слава богу! — воскликнула мать. Еще никогда и ни один родитель в мире так не радовался новости, что их дочь курит.

Мама тогда в себя пришла, в храм свечку ставить побежала, папа пирожков испек, родственников всех весь день обзванивал, успокаивал. А я к себе в комнату пошла. И никому не говорила, что про опоздание на первой стоянке соврала. Да и как потом экспертиза аварии рассказала, в автобусе и правда оказалось на одно тело меньше, чем должно было быть. Сама я ничего не помнила, что произошло после того, как мы выехали из Воронежа. Из остальных странностей — на ноге, правой, на голени появился короткий белый шрам, чуть рваный, неаккуратный.

Всю эту историю списала на то, что мне действительно просто повезло.

Через год ситуация повторилась. Мы с подругой летом полетели отдыхать в Таиланд. Гуляли, ездили по экскурсиям, вечерами посещали экзотические (читать — эротические) шоу. Там я впервые и задумалась над красотой и изяществом стриптиза. Если, конечно, к процессу подходить творчески и со вкусом. После очередной такой вечерней вылазки очнулась в Москве, в общежитии, в своей кровати. Все тело болело, словно прошло через мясорубку. Голова раскалывалась, и по пути в ванную я дала себе зарок никогда больше не пить. Пройдя мимо зеркала соседки, увидела свое отражение и ужаснулась. Под грудью к ребрам тянулись два шрама, сантиметров по пятнадцать каждый, повернувшись спиной, обнаружила еще три таких же больших следа и несколько поменьше. Поясница, позвоночник, один маленький круглый шрам под лопаткой, на руках россыпью мелкие тонкие полоски, как от порезов, на ногах то же самое. Побежала включить ноутбук соседки, проверить новости. Предположение подтвердилось.

В Таиланде ночью произошло жуткое наводнение. Две волны цунами снесли потоком все, что стояло низко. Пострадали отели, город, число жертв шло на тысячи, пропавших без вести еще больше. Я опять же воспользовалась тем, что соседка еще спит, взяла ее телефон и набрала родителей.

В этот раз обошлось без обмороков, папа с мамой смотрели новости и успокаивали себя, что я могла быть в порядке, все-таки на горячей линии им сообщили, что я пока числюсь в списке пропавших без вести. Мама была вне себя от счастья, снова побежала в храм, папа нарадоваться не мог, какая я везучая. Все шутил, чтобы я в казино сходила. Это надо же, за несколько часов до трагедии решить вернуться в Москву за свой счет, несмотря на то что путевка еще должна была пять дней длиться. Соврала, что поссорилась с подругой очень сильно, не желая оставаться там, очень хотелось обратно в Россию. Отец ничего не мог сказать, кроме того, что это удивительные происки судьбы и не иначе как высшие силы мне эти мысли о возвращении в голову вложили. Вообще родители у меня не особо верующие были, но после таких событий как тут не обратиться к Богу?

Разговор я закончила и села думать, что, черт возьми, со мной происходит. По кусочкам, дотошно начала вспоминать весь прошлый вечер. Каждый наш шаг, каждый запах, который чувствовала. Разорвала тетрадку на кучу листочков, записывая все, что удавалось вспомнить, чтобы восстановить картинку. Соседка проснулась, удивилась моему присутствию и, видимо, решила, что я схожу с ума.

А потом я вспомнила. Все. Каждую гребаную забытую секунду. Меня накрыло воспоминаниями, словно волной. Как мы с подругой гуляли вечером по пляжу, болтали. Потом вода от берега резко отступила. Мы удивились этому внезапному отливу. Вода продолжала уходить настолько стремительно, что рыба оставалась валяться на песке, трепыхаясь в предсмертных муках. Алина увидела морскую звезду и побежала, чтобы сфотографировать. А я смотрела вдаль, видя, как что-то темное поднимается над водой.

Вспомнила свой ужас, когда поняла, что это вода огромной волной поднимается в небо и движется в нашу сторону. Закричала Алине, уже начиная бежать дальше от берега. Алина не сразу поняла, что происходит, а когда пришла в себя, было уже поздно. Гигантская волна цунами надвигалась на берег слишком быстро. Я еще успела забежать на ступеньки, ведущие от пляжа вверх к отелю, когда весь поток обрушился на землю. Как исчезла Алина, я не видела.

Вспомнила, как вода ударила по мне с такой силой, словно меня сбил «КамАЗ», опрокидывая меня на ступеньки, перетирая мое тело о них. Я сидела в общежитии и кричала, заново испытывая ту боль от сломанных костей, вывихнутых суставов и невозможности вздохнуть.

После хотелось пойти умыться, но поняла, что я просто панически боюсь воды. Осталась сидеть в тишине пустой комнаты, плакать, обнимая себя за колени, в попытках убедить себя, что не схожу с ума. Все-таки я жива, здорова, сижу в своей комнате в Москве. Со шрамами на теле в тех местах, где уже помню удары о ступеньки злополучной лестницы...

К вечеру, чтобы хоть чуть-чуть дать себе возможность уснуть, пришла к нескольким выводам. Во-первых, я не собиралась пытаться вспомнить, что случилось со мной год назад, когда я поехала в Москву на том автобусе. Во-вторых, пришлось смириться с тем фактом, что каким-то невероятным образом я избежала смерти, и очевидно, что это произошло при помощи неких сверхъестественных сил. В-третьих, смирилась с тем, что потусторонние силы существуют. Ну, или я мутант, как в комиксах, не суть важно. Просто я особенная или ко мне особое отношение. В-четвертых, я была твердо намерена об этом никому и никогда не рассказывать. Варианта, на мой взгляд, было только два, если я с кем-то поделюсь такой историей. Или меня закроют в психушке, или сдадут на опыты. А учитывая, что я, судя по всему, умереть не могу, ни один из названных исходов меня не устраивал.

Если вы думаете, что это крутой бонус к человеческой жизни, я позволю себе с вами не согласиться. Вероятно, я самый невезучий человек на Земле, учитывая, сколько раз с тех пор я просыпалась в своей кровати, не помня последних событий. Вспоминать ничего не собиралась, с досадой обнаруживала пропажу сумочки или телефона, вещей, которые были на мне в момент последних воспоминаний. Приходила в себя всегда в своей белой майке и спортивных трусах. Даже купила себе их с запасом, вроде как в качестве дани традиции.

Когда устроилась работать в стриптиз, выбрала псевдоним в честь одного персонажа из пошлого американского мультика, который оказывался в схожих отношениях со смертью в первых сезонах. А просыпаясь по утрам с провалами в памяти и в неизменных белых майке и

трусах, повторяла себе: «Они убили Кенни. Сволочи». Вот такая вот маленькая самоирония.

Мелкие шрамы на теле вовсе исчезли со временем, некоторые были почти незаметны, но вот те, что покрупнее, останутся со мной на всю жизнь. Отсюда и мое железное правило — не раздеваться во время стриптиза. Я тщательно подбираю себе костюмы и выступления, чтобы не было видно шрамов на теле. Категорическое нежелание, чтобы меня трогали, вытекает не только из-за брезгливости, но и от понимания того, что мне совсем не хочется случайно вспомнить какую-то свою очередную смерть.

Отчасти отсюда и мои проблемы в личной жизни. Кроме того, что времени и сил строить отношения не остается, мне до ужаса страшно, что в самый ответственный момент всплывет что-то в памяти и вновь придется пережить кошмарные события. Я предпочитала убеждать себя, что раз не помню — значит, не было.

Так и сейчас, я посмотрела на испорченный ковролин, вздыхая, что придется его менять, кинула цветы и конфеты в помойку. Быстро приняла душ, оделась, взяла деньги из своей копилки (хорошо, что хоть деньги на месте!) и направилась на шопинг. Все-таки теперь мне нужен новый телефон, журнальный столик, ковер и поднять настроение. Сегодня было воскресенье, субботу я уже потеряла, а вечером мне снова выходить в смену и оправдываться перед Анной Валерьевной, почему пропустила субботнюю ночь в клубе.

Алек

Сажу за своим столиком, все в том же клубе, некультурно отдыхаю вторые сутки подряд, если не считать вечера пятницы. Вчерашняя ночь прошла скучно, пресно и невкусно. После несчастного случая с Кенной было как-то противно на душе. Нет, я не из-за смерти девушки переживаю, мало ли что бывает? Скорее за себя обидно. Я так и не узнал, почему с ней не сработали мои чары. Это раз. И два — мой сексуальный интерес удовлетворен тоже не был. Словно конфетку у ребенка отобрали. А мы, инкубы, народ чувствительный, с нами так нельзя. К сожалению, слишком легко зацикливаемся на получении желаемого, не останавливаясь, пока не достигнем цели. Отказов-то обычно не бывает. А тут еще эта стриптизерша, такая вкусная, соблазнительная. Раздразнила не только мой аппетит, но и интерес и позволила себе так по-глупому умереть, не дав мне насладиться как следует ее эмоциями и телом.

Субботний вечер прошел тухло. Без Кенны в клубе казалось все фальшивым. Нет, воздух по-прежнему был насыщен людской похотью, которая сладко щекотала нёбо, я был сыт от такой подпитки, но оставалось неприятное резиновое послевкусие. Как всегда бывает, когда тебя поманили аппетитным стейком, а заставили кушать шаурму из привокзальной рюмочной. Мое тело требовало развлечений, мозг чувствовал себя обманутым и неудовлетворенным.

Уже второй вечер подряд меня осаждает менеджер Аня, мечтая о повторении нашего небольшого приключения в привате. Но мне неинтересно. Хочется свежего, нового, яркого...

Я втянул носом прокуренный воздух ночного клуба, смакуя пресный аромат людских желаний. Нет, все-таки не хватало перчинки. То ли клуб пора менять, то ли мир. Может, я просто соскучился по родному Хаосу? А что, мысль. Слетать домой, найти себе какую-нибудь демонессу, чтобы все соки из меня выжала. Или к эльфам? Соблазнить невинную простоту. Хотя там наши выродки уже весь генофонд попортили.

— Встречайте, королева нашего вечера! Несравненная, неприступная, горячая, как сам ад! — Что-то диджей решил сегодня очнуться, вон какие эпитеты полетели. Вчера таких песен не пел. В лучших традициях ночного клуба заиграла песня из «От заката до рассвета». Сейчас не иначе как Сальма Хайек на сцену выйдет. Или я сваливаю! — Ке-е-ен-на-а-а!

Стоп. Беру свои слова обратно. Что такое? Они решили отдать ее псевдоним другой? Как низко, цинично... На сцену выходит девушка. Да быть такого не может! Я же сам, лично проверил, что девочка умерла. По ауре смотрел, не могла она выжить. Что тут вообще творится?

Кенна была в новом образе, волосы гладко уложены, выпрямлены, прическу украшает сетка крупных камней, словно причудливый шлем, спускающийся на шею, где он превращался в ошейник из широких пластин. Кожаный лиф, тесно сжимающий груди, создавал впечатление, что вот-вот публика сможет заметить соски. От лифа вниз тянутся полоски ткани к кружевным трусикам-танго. Из одежды, кроме обуви, штаны, напоминающие ковбойские, которые закрывали лишь внешнюю часть бедер, оставляя открытыми и трусики, и задницу танцовщицы.

Девушка обхватывает шест, демонстрируя всем свои изящные линии, гибкость своего тела. А я никак в себя прийти не могу. Еще раз проверяю ауру. Нет, она точно человек. Живой, здоровый. Но как такое может быть? Ума не приложу. Может, кто-то из наших постарался?

Или сама судьба решила дать мне еще один шанс удовлетворить свои амбиции? Мысль, конечно, бредовая, но грех не воспользоваться сложившимися обстоятельствами. Хотя на этот раз надо попробовать поговорить с девочкой. Уж очень любопытно, как она проделала этот трюк.

Танец закончился. Как и в первый наш вечер, Кенна меня полностью игнорировала. Звать менеджера Аню я не стал, опять прилипнет как пиявка. Сидел и наблюдал, когда девица пойдет из зала обратно в гримерку. Чертовка. К остальным вон как подходит. И танцы на столе устраивает, столики обслуживает. На боковые сцены выходит, подальше от меня. В мою сторону ни взгляда. Неужели обиделась? Кто же ты такая, Бездна тебя заведи!

Наконец заметил, что стриптизерша направилась за кулисы. Отводя от себя посторонние взгляды, дематериализовался, чтобы появиться рядом с Кенной.

— Привет, — поздоровался я, видя, что девушка одна в своей камерке. Кенна вздрогнула, поворачиваясь ко мне.

— Что ты здесь делаешь? Это помещение для персонала. Я позову охрану.

На всякий случай еще раз незаметно отправил в ее сторону поток энергии. Никакой реакции. Желания в девушке не прибавилось ни на грамм.

— Я хочу поговорить. О том, что случилось.

— А что случилось? Ты приват заказал, я станцевала. Хотел поцелуй — ты его получил. Больше от меня ничего не жди. Переключись на кого-нибудь другого.

Интересно, зачем в дурочку-то играть? Или все-таки обиделась? Я же не специально ее чуть не убил. Это вообще несчастный случай был. И она первая в драку полезла.

— Я говорю о том, что было после, — с нажимом произношу я, подходя к девушке ближе. Вот я уже нависаю над ней, в воздухе появляется легкий аромат страха. Такими эмоциями я обычно не подпитываюсь, но с Кенной все по-другому. Хочу ее всю. Со страхом, с радостью, с похотью. Особенно с похотью. Может, еще раз феромоны попробовать использовать? Подумаешь, не хочет она больше ничего! Во-первых, я как-никак физически

сильнее и без труда овладею ее ртом, чтобы впрыснуть свой терпкий яд. А во-вторых, не обязательно же слюной обмениваться. Я могу ее просто укусить разок. А лучше пару раз, для верности.

— Эй! — Кенна пощелкала пальцами у меня перед самым носом. — Ты завис? Я говорю, мне плевать, что у вас там было с Аней. Проваливай. Я с тобой работать не буду.

Бойтся, а все равно хамит. Точно покусую. Но потом, не здесь. Тут только помешают. Пожалуй, загляну к ней домой по окончании смены.

Кенна

Ура! Понедельник!

Только стриптизерши могут так радоваться утру понедельника. Выходные подошли к концу, а значит, у меня начались три дня отдыха. По дороге со смены заехала в кафе, взять домой еды и кофе без кофеина, чтобы после завтрака спокойно уснуть.

Квартира, как всегда, встречала гнетущей пустотой. Гостиная казалась чужой, с новым ковром и столиком, которые еще не успели стать родными. Такое ощущение, что я в гостях, а не дома. С грустью смотрю, что бита все еще лежит не на своем месте. Как это я днем пропустила и не убрала? Еще одно маленькое напоминание, что ко мне в субботу точно кто-то приходил, я даже защищаться собралась. Интересно, хоть успела нанести удар? Бита вроде чистая. Подняла битку, крепко обхватывая ее двумя руками, вставая в стойку, замахиваясь, словно собиралась отбивать мяч в бейсболе. Шея начинает ныть, по телу вновь растекается неприятное онемение. Быстро прогоняю все мысли из головы. Нечего тут вспоминать, мне и так хорошо. Отправляюсь поставить битку на место. У стойки, которая вообще для зонтиков должна использоваться, остановилась, разглядывая свою ключницу. Открыла ее, никаких ключей в ней и в помине не было, я тут пистолет держу. Травматический. Красивый черный «фантом», почти точная копия «глока», вроде тех, с которыми все бегают в фильмах и стреляют по врагам. Вот после того, как пару раз умрешь, сразу заводишь себе оружие. Подстраховаться. В конце концов, я же не знаю, вдруг у меня нет безлимита на воскрешения? Может, как у кошек, только девять раз? Ну, или Большой парень сверху, в очередной раз приветствуя меня у золотых ворот, спросит «а не охренела ли я?», после чего я уже и не вернусь на брентскую землю.

Раздался звонок в дверь, и появилось неприятное чувство дежавю. Травмат заткнула за спину, за резинку спортивных штанов, битку взяла в правую руку, подошла посмотреть в глазок. Никого. Странно, неужели дети шалят? Поворачиваюсь, собираюсь, наконец, пойти позавтракать, а там...

— Привет! — говорит красавчик, весело помахивая рукой. Одежда та же, что и в клубе сегодня. Потертые джинсы, белая рубашка, только без пиджака на этот раз.

Взвизгнула от неожиданности, сразу замахиваясь на незваного гостя битой. Красавчик словно ожидал удара, поймал битку одной рукой, выдергивая ее у меня и отбрасывая за спину в гостиную.

— Повторяешься, — как-то ехидно улыбнулся смазливый придурок, в то время как я уже выхватывала пистолет из-за спины. А стреляю я, кстати, хорошо, в тир постоянно хожу. И практика вот на такие ситуации нужна, да и пар выпустить помогает. Раздался выстрел. Пуля попадает ровно в коленную чашечку левой ноги, вышибая опорную ногу назад. Красавчик

маньяк летит лицом в пол, успевая выставить руки, чтобы не разбить мордашку о мою плитку.

— Ты мне колено прострелила! — возмущается он, начиная подниматься. Я обхватила травмат второй рукой, чувствуя, как меня начинает трясти. Страх и адреналин не лучшее сочетание для принятия верных решений. И вообще, он сейчас должен выть от боли, а не произносить обвинительные членораздельные фразы. Или он под чем-то? Пьяный или еще хуже? Запах не чувствую, или мой мозг просто не распознает сейчас ничего, концентрируясь на главной опасности.

— Что ты за человек такой! — продолжает возмущаться незванный гость, поднимаясь в полный рост с опорой на еще здоровую ногу. — В прошлый раз руку сломала, сейчас колено...

Понимая, что этот вот персонаж только что сказал, что я ему уже что-то ломала, и он в моей квартире, и удар битой ожидал... Делаю вывод, что это он тут был в субботу, когда я... когда меня... Выстрелила еще раз, во второе колено. Парень, теряя равновесие, падает на спину. Но опять как-то фальшиво, оказывается сидящим на полу, опираясь на руки, чуть выставленные за спину. Подхожу ближе и направляю оружие почти в упор ему в лицо.

— Какого демона, женщина? — выругался он, поднимая руки вверх, типа сдаваясь. Но при этом скалясь на меня своими белоснежными тридцатью двумя.

— Ты был здесь в субботу? — задаю вопрос громко, чтобы он не слышал, как дрожит мой голос.

— А то ты не помнишь, — все так же ехидно бросил в ответ красавчик.

— Отвечай! — перешла на крик. Нервы уже ни к черту.

— Был! И ты сломала мне руку.

Быстро смотрю на обе его ладони, но на них даже ни единого синяка нет.

— У тебя все цело. Ты меня вообще убил!

— Ну, а ты жива, насколько я вижу. Самый идиотский диалог в моей жизни. Убери свою игрушку, и мы поговорим.

Конечно, ничего я убирать не стала. Мозг кипел, усиленно переваривая информацию, шея начинала ныть, в теле появилось неприятное покалывание. Скорее всего это уже не от волнения, а просто мое тело вопреки моим протестам старалось вспомнить, что происходило вчера. Из раздумий меня выдернул красавчик. Вот только что он сидел передо мной на полу, и вот его нет. Испарился, оставляя после себя синеватую дымку. А в следующую секунду я почувствовала его ладонь у себя на шее. Незванный гость каким-то образом оказался у меня за спиной, одной рукой сжимая мое горло, несильно, но крепко, а второй забирая пистолет. И вроде бы мне сопротивляться надо, но я оказываюсь в ступоре от всего происходящего.

— Я пока это отложу в сторону, — прокомментировал он, оставляя оружие на тумбочке. Меня он отпустить не планировал. Сделал глубокий вдох, шумно втягивая носом воздух, обнюхивая меня. Маньяк. Остается радоваться, что утром, когда я вновь очнусь в своей кровати, я ничего не буду помнить.

— Не волнуйся ты так, — прошептал он мне на ухо, убирая волосы с моей шеи. — Я просто хочу поговорить. И не сделаю тебе ничего плохого. Разве что разок укушу.

Не успела я возмутиться, как шею пронзил острый укол. Этот придурок и правда укусил меня, да еще с такой силой, что явно прокусил кожу до крови. Мне оставалось только кричать. Меня отпустили, и я сразу же отбежала на несколько шагов в гостиную. Жаль, что

своим телом маньяк сейчас перекрывал выход из квартиры. А то я уже бегом бы летела прочь, на первый этаж, потом на улицу...

— Ты совсем больной? — начала кричать я, прикладывая ладонь к шее. Проверила, и правда до крови укусил. Маньяк. — Ты фильмов пересмотрел, что... — запнулась, глядя на своего оппонента. — У тебя рога, мать твою!

Мне надо присесть. Нащупала рукой спинку дивана, опираясь на нее, чтобы не упасть в обморок. У мужчины, который стоял передо мной, на голове красовались два маленьких черных костяных рога. Каждый размером с мой большой палец.

— Ты бес? — ничего в голову больше не лезло. Я находилась в таком смятении, что с места сдвинуться не могла. Даже когда парень подошел и прикоснулся к моей шее, к ране от укуса.

— Я бы попросил без оскорблений, — ответил он, — я демон. Инкуб, если тебе интересно. Алексаион. Для тебя можно просто Алек.

— Черт...

— Нет. Демон. Инкуб. Алек, — повторил Алек, отходя от меня по направлению к кухне. По-хозяйски открыл шкаф, достал с полки один стакан и налил в него из-под крана воды. Подошел, протянул мне, а сам схватил себе мой кофе.

Я сделала несколько глотков, обходя диван, чтобы присесть. Не бежать же теперь. Во-первых, ноги у меня сейчас ватные и голова кружится. Во-вторых, от демонов все равно бегать бесполезно, разве не так? Алек не постеснялся сесть рядом и снова полез проверять мою шею. А я только и могла смотреть на рога, не отводя взгляда.

— Странно, не заживает, — пробормотал он себе под нос.

Я резко поставила стакан на стол, отодвигаясь от демона. Видимо, первый шок уже отпустил, уступая место праведному гневу. А значит, на подходе уже была истерика.

— Странно?! Я тебе росомаха, что ли? Или ящерица? Конечно, у меня ничего не заживает! Ты мне шею прокусил, козел!

— Прости, надо было кое-что проверить.

— Проверил? А мне теперь с синяком ходить! Сначала явился сюда, убил меня, теперь еще синяков понаставил...

— Это самый несуразный разговор в моей жизни, — еще раз повторился Алек, чему-то невероятно радуясь. На лице расцвела широкая улыбка, глазенки хитро заблестели. Я окинула мужчину взглядом, понимая, что, судя по всему, мои выстрелы ему не нанесли вреда. Какой-то он слишком подвижный для парня с простреленными коленями. И позитивный. — Ты лучше признайся, кто ты?

Парень придвинулся ко мне вновь слишком близко, начиная обнюхивать мои руки, волосы.

— Нимфа? Фея? Дриада?

Нет, это просто невыносимо! Еще чуть-чуть, и он тут прыгать начнет, хлопая в ладоши, такие довольство и нетерпение. И мало того, что демон зажимал меня на моем же диване, обнюхивая, словно я кусок мяса, так еще ко мне под толстовку полез его хвост. Хвост! Я вскочила с дивана, брезгливо смахивая с себя остатки сверхъестественных прикосновений.

— У тебя хвост, — озвучила я вслух очевидное.

Инкуб недовольно разложился на весь диван, хвост вальяжно устроился на столе, словно мне демонстрировали его красоту и мощь. Длинный, гладкий, с небольшим костяным шипом на конце, будто ожившее копьё.

— Почему я раньше не видела этого?

— Прости, просто ты так вкусно пахнешь, что я совсем перестаю себя контролировать.

— Может, уберешь?

— Зачем? — немного обиженно спросил Алек. — Я лучше тебе покажу, что я умею им делать. — Алек соблазнительно улыбнулся, выгнув одну бровь, приглашая меня присесть рядом, прости господи, похлопывая хвостом по дивану.

Я демонстративно осталась стоять на месте.

— Ну, не хочешь, как хочешь, — инкуб пожал плечами, видимо, беря себя в руки, так как хвост и рога испарились в воздухе. Теперь на диване сидел обычный парень, мой ровесник, блондин, чертовски притягательной наружности, с легкой небритостью на лице. — И все-таки кто ты такая, Кенна? Может, мавка? Хотя нет, была бы мавкой, сама бы на меня набросилась...

— Да человек я! Человек!

— Да что ж ты врешь мне? Человек она! Ха! У тебя демон на пороге, а реакции ноль. Где истерики? Где вопросы «а ты правда демон?», «а что, и магия существует?», как же вопросы про ангелов? Солью не обсыпала, молитву не читаешь, кол в сердце воткнуть не пытаешься.

— Это только от вампиров, — зачем-то отвечаю я, вспоминая нелюбимые фантастические саги.

— Вот! Я ж говорю, не человек ты. Может, магичка? Или нежить? Как тогда ауру скрываешь? Где удивление, я не пойму.

— А чему удивляться? Когда несколько раз с того света возвращаешься, как-то само собой смиряешься, что есть что-то большее, чем наш обычный мир, — ответила я, прежде чем инкуб решит снова идти меня ощупывать и обнюхивать.

— Люди с того света не возвращаются! — подловил меня на слове Алек. — Так что никакой ты не человек!

— Так что, прямо никогда-никогда не возвращаются?

— Нет, бывают исключения, конечно, — согласился демон. — Например, если мы вмешиваемся, покровитель у тебя есть или сделку там заключаешь...

Алек замолчал, так и не договорив. Сначала завис, резко сев на диване. А затем с возгласом «Точно!» испарился из моей гостиной, оставляя после себя синеватую дымку, медленно растворяющуюся в воздухе.

Интерлюдия I

1615 год. Россия. Где-то в Архангельской области

На этот раз должно все получиться. Он все проверил. Как много попыток он уже предпринял? Сколько ритуалов провел? Но этот станет последним и единственным удачным. Он чувствовал, на этот раз сработает. И полнолуние сегодня, и пентаграмму со всеми знаками тщательно вычерчивал последние три ночи. Церковь для прихожан закрыл, чтобы срама не видели. Чтоб батюшка Сатану вызывал на святой земле! А что делать? Иного выхода нет.

Даже теленка в пост и то сам пошел забивать, чтобы крови для схемы окаянной набрать, чтоб не видели. Погонят его за это люди добрые, позор на всю жизнь. Божий человек с бесом

спутался.

— Тьфу, — сам на себя в очередной раз ругался батюшка.

Но выбора и правда нет. С каким трудом он выпросил себе в приход книгу проклятую, дабы демонов поименно вызвать. Врал всем, что для знаний надобно, селянам показать, кого бояться, как лукавый выглядит. А сам, старый, вон каким грехом занимается. Церковь эту еще его дед возводить помогал. Лес рубил, сруб каждый просмаливал. Знал бы он, чем внук заниматься стал, уж точно бы проклял...

Батюшка сел на пол перед рисунком своим срамным, как требовал того ритуал из книги проклятой, и начал зачитывать слова грешные, лукавого в церковь зазывать. Авось в Божьем доме черт его не тронет. Даст старому дела мирские доделать.

Слова давались с трудом. Латыни его не учили, приходилось язык ломать, с лучиной каждую букву на свой манер переписывать, ударения проставлять. Читал отец Иоанн медленно, сбивчиво, голос дрожал, пот с лица градом катил, норовя лучину потушить, грешное действие прервать. Слаб духом батюшка, но тело его, видать, само против встречи с лукавым борется. Не сел батюшка свечи церковные использовать в ритуале нечистом. Пришлось по старинке, с лучиной. Чтоб не погасла от его дыхания, пришлось отодвинуть источник света дальше. Только так текста видно не было почти. Приходилось батюшке щуриться непомерно.

Грянул гром на улице, отец Иоанн вздрогнул. Погода-то уже три дня ясная была, на небе ни облачка. Не иначе, небеса гневаются, ритуал то бишь действенный. Срабатывает. Пуще прежнего затараторил батюшка слова призывные, уже в полный голос зачитывая имена демонические.

Подул ветер — в церкви, где ни единого оконца отродясь не было да двери заперты наглухо от любопытных глаз. Лучина потухла вмиг, оставляя батюшку в кромешной тьме.

— Ты звал меня? — услышал низкий голос во тьме отец Иоанн. Рука сама потянулась перекреститься трижды, уста сами слова в молитву складывать начали.

На улице вновь грянул гром, а церквушка озарилась светом нечеловеческим, голубое пламя зажглось на каждой свече храма сельского, лампы задымили. Пентаграмма горела синим светом, явился лик дьявольский деревенскому батюшке.

Стоял в центре рисунка кровавого сам дьявол. Высокий, головы на две выше отца Иоанна, под сажень ростом. Плечи богатырские, на голове рога козлиные изогнутые, хвост аки змея по полу стелется, крылья больше роста человеческого, кожистые, как ни у одной живой твари нет. Кожа смуглая, адом закопченная, морду черт под человеческую взял, только клыки из пасти лезут. А глазницы будто пустые, безжизненные. Копыт, однако, не наблюдалось, видать, врет молва людская.

— Ты, отец, реши, с кем говорить изволишь. То демона зовешь, то Боженьку...

— Молчи, черт окаянный! — Батюшка с пола-то поднялся, святой водой облился. — Я звал тебя, ты в храме Божьем! Тут я командовать буду!

Дьявол улыбнулся устами своими лживыми и сделал шаг из круга начерченного. Отец Иоанн побледнел, к иконам отступая. Дьявол мягкой поступью прошел к табурету, что батюшка занес в церковь для личного пользования три ночи назад, и сел.

— Ну, говори, чего хотел?

— Знаний хотел, бес срамной!

— Не бес, а демон, — поправили батюшку.

— Все одно вы — зло изначальное, что бес, что черт...

— Не скажи. Уважаемый, давайте без оскорблений.

— Ты пришел по зову моему и волю мою исполнять должен!

— И тут, увы, ты глубоко заблуждаешься. Но тем не менее выслушаю тебя, батюшка, раз пришел. Какие знания надобны?

— А не соврешь?

— Не совру. Нет смысла врать. Захочешь, все равно не поверишь.

— Ты, черт, скажи мне: раз я тебя вижу, значит, ад есть?

— Нет. Не совсем. Есть Хаос.

— Хаос... вот как. А рай? Есть рай?

— Нет. Есть Забвение, но людям там нет места. Есть Нижний мир, туда всякая душа со смертью отправляется.

— Так все-таки есть душа?

— Есть. У каждого дышащего существа, во всех мирах.

— А раз душа в мир Нижний идет, как вы, демоны, души покупаете? Или врет молва и об этом?

— Почему же, покупаем. Всякая душа привязана к физической оболочке и принадлежит только ей. Со смертью оболочки душа становится бесхозной и уходит со Жнецом в Нижний мир. Но если душой распорядились, в нашем случае продали, душа отправляется к новому хозяину.

— Зачем же вам души людские? Войско свое адово собираете? Добрых людей губить заставляете?

Рассмеялся демон от слов батюшки, да так, что стены церквушки затряслись. Громовыми раскатами по небу смех его разносился. Пуще прежнего не по себе батюшке стало, в груди покалывать начало.

— Люди... У вас такое богатое воображение. Вам лишь бы мысли свои грязные да грехи черные на других свалить. Кто не ответит.

— Отвечай, бес!

— Души — это сила. Чем больше душ я поглощу, тем сильнее я стану. Ну как, батюшка, все еще хочешь сделку?

— И что ты можешь дать мне, демон?

— А что душе угодно, — улыбнулся лукавый. — Хочешь — жену красивую, хочешь — детей здоровых. Хочешь денег, славы?

— Жены не надобно, своя есть. На сносях уже. Силу дать можешь, лукавый? Чтоб колдовать мог, аки в книгах пишут.

— Могу. Только небольшую. Чтоб скот недох, чтоб урожай всходил. Людей лечить будешь. Мертвых поднимать не сможешь да в миры другие не попадешь.

— Не нужны мне другие миры. Мне и здесь хорошо. А душу свою надобно продать? Или чужую можно?

Заулыбался довольным демон, лапой своей когтистой по дереву постукивая.

— Чужую можно, если владеешь ей. Жены твоей, например, детей. Жена по браку душу свою тебе вверяет, дети, пока малые, тебе принадлежат.

— Дочку мою возьмешь? В уплату сделки, кровинушку родную?

— Кровинушку, говоришь? Возьму. Только нет у тебя дочки, старый.

— Будет, — с уверенностью соврал батюшка.

— Ты же божий человек, нехорошо врать, — покачал головой дьявол. — Я сделку

заклучу и душу родной кровинушки женского пола заберу себе в уплату. Не дочь твоя будет, так внучка. Не внучка, так правнучка. Сделку ты в любом случае оплатишь.

— Давай меня заberi, если к старости дочка не родится. Остальной род-то за что тревожить?

Посмотрел батюшка на морду демона недовольную и продолжил торговаться.

— Дай десять лет мне. Потом заберешь.

— На что мне ты будешь тогда нужен. Ты свое проживешь, душа и так твоя уже ни на что не годна. Тусклая, хлипкая. Кровинушку возьму.

— Услышал тебя, демон. Только дай зарок, что дашь девочке жизнь пожить спокойно.

— Ты слишком много хочешь, старый. Пока жизнь ее идти будет, душа ее истощаться только станет. И станет не ценнее твоей.

— Ну, хоть ребенком не бери. Пусть вырастет, пожить дай.

— Пускай. Доживет твоя кровинушка до восемнадцати. Потом я заберу ее. — Дьявол из воздуха кинжал сотворил, руку правую порезал и батюшке протянул. — Сделку мы кровью закрепляем. С кровью ты и силу получишь обещанную.

Отец Иоанн нож из рук демона взял, дрожащую ладонь свою порезал и скрепил сделку крепким рукопожатием.

Грянул гром, свет всякий в церкви погас, а лукавый исчез. Не ощущал более отец Иоанн дьявольской ладони. Батюшка стоял во тьме, чувствуя, как адовым огнем по жилам сила растекалась. На плечи старого разом груз навалился от осознания содеянного. Осел батюшка на пол, ноги больше не держали. Все, во что он верил... Все ложь. Ни ада, нирая нет. Если лукавый не соврал. И только Хаос неизвестный да дьявол с силой нечеловеческой.

— Не получите вы кровинушки моей, — пообещал он пустоте. — Никто из вас. Все силы положу, а не будет в моем роду ни одной женщины!

2014 год, Россия, Москва

Алек как исчез из моей квартиры, так больше не объявлялся. Чему я, собственно, была несказанно рада. В конце концов, одно дело — смириться, что со мной что-то не так, и совсем другое — смахивать с себя демонический хвост. Брр...

Мне больше всего нравилось мое общение со сверхъестественным тем, что оно ограничивалось моим воскрешением. Остальные бонусы в виде лепреконов, эльфов или инкубов мне задаром не нужны были.

Нет, конечно, может быть, в глубине души мне хотелось и колдовать уметь, и летать или что-нибудь такое же крутое. Только мне уже не двенадцать, и я понимаю, что с большой силой приходит... большая ответственность? Умоляю вас! Большой триндец приходит. Вспомните хоть один случай в мировой литературе, когда человеку «посчастливилось» получить суперспособности и после этого он жил спокойно, долго и счастливо? Нет, каждый раз то новый мир, то война, то злые волшебники, которые хотят убить. А с моим везением моя жизнь превратится в бесконечный квест, где последняя точка сохранения — кровать в моей квартире.

Даже теперь — свалился мне инкуб на голову, и ничего хорошего не происходит. Убить уже один раз успел, руки и хвост распускает, словно я жена его, а не вчера в клубе познакомились. Хорошо, что хоть дальше рук дело не заходит (вроде, насколько я могу помнить). А если бы был демон, как в книгах? С насилием там всяким... Фу, даже думать об этом не хочу.

Так что нет, спасибо, я как-то без всего этого жила и хочу продолжать так же спокойно жить дальше. Со своим скромным заработком, бессмертием и шизофренией. При чем тут шизофрения, спросите вы?

А как тут без нее? С такими-то раскладами сойти с ума — это вполне нормально.

Опять вернусь немного назад, во времена, когда я была милым, добрым и обычным ребенком. И как полагается большинству детей, у меня был воображаемый друг. Его никак не звали, он никак не выглядел. Я просто любила представлять себе, что он был со мной рядом, готовый всегда выслушать и поддержать — морально, сам-то он говорить не умел, я же не совсем чокнутая была. Что-то вроде замены личному дневнику. Сначала все было простой детской фантазией, а со временем общаться с пустотой как-то вошло в привычку. В конце концов, очень многие общаются сами с собой даже вслух и при посторонних.

После аварии, в которой я не умерла, у меня возникло чувство преследования. Что в принципе тоже нормально. Все-таки стресс, необъяснимое спасение, у кого не начнет развиваться паранойя? Просто казалось, что я не одна в своей комнате, хотя никого не видно. Иногда я готова была поклясться, что кто-то стоит у меня за плечом или что я видела странную тень. Но это прошло через пару недель.

После второго случая, с Таиландом, все повторилось. Особого значения всему этому я не придавала. Не к психологу же мне идти. Может, это мой ангел-хранитель был, может, из-за стресса вернулась детская фантазия. Но как-то само собой сложилось, что я стала

относиться к своим галлюцинациям (паранойе? воображению?) спокойно. Снова начала разговаривать сама с собой, вроде как обращаясь к невидимому собеседнику. В конце концов, как было сказано одним неглупым человеком, если ты думаешь, что тебя прослушивают, просто скажи: «Я знаю, что вы за мной следите», а там два варианта — или тебя никто не услышит, или, может, тот, кто подслушивает, испугается. Цитата, естественно, неточная, но мысль разумная. Я могла высказать своему невидимому собеседнику все, что на душе лежало камнем, выговориться, поплакать. И становилось легче.

А теперь, в принципе, после общения с живым инкубом это и не кажется мне таким уж странным.

Свой первый выходной после исчезновения инкуба из квартиры и после того, как я поборола в себе дикое желание собрать все вещи и уехать домой в Воронеж, я легла отсыпаться после ночной смены. Если подумать, то какой смысл пытаться убежать, скрыться? Это же чертов демон! С магией, рогами и хвостом. Не думаю, что для него будет проблемой найти меня, если ему этого захочется. После выстрелов он быстро восстановился, так что вряд ли я смогу ему как-то противостоять. Можно, конечно, поискать в Интернете информацию, но где гарантия, что я найду правдивую? Как бы не получилось, что я, начитавшись советов на форуме, полезла инкуба убивать, а ему хоть бы хны. Окажись я на месте демона, наверное, я бы расстроилась и разозлилась. А кто знает, как демоны себя ведут в гневе? История мирового кинематографа учит нас, что ничего хорошего из этого не выходит.

Так что я выбрала для себя позицию бездействия. Во всяком случае, хуже от этого не станет точно. Чтобы там ни случилось, у меня есть отличный козырь. Можно умереть и ничего потом не вспомнить. А на следующий день продолжить свою обычную жизнь.

Проснувшись вечером, сходила в кино, ночью немного почитала и снова легла спать. Вторник для меня был днем тренировок, надо было поработать над гибкостью и новым танцем.

Ехала в спортзал я сначала на метро, потом на трамвае. Я могла позволить себе купить машину. Подержанную, в хорошем состоянии или даже новую, из салона, совсем ненадолго влезая в автокредит, но смысла в этом не видела. Машина в Москве — скорее роскошь, чем средство передвижения. Пробки, обслуживание, страховка, ремонт, автошкола, бензин — целая куча расходов. Мне проще передвигаться на общественном транспорте. Или в такси, когда как удобнее.

Всю дорогу рядом со мной пустовало место. Даже в битком набитом вагоне метро ко мне никто не спешил подсаживаться. Совпадение? Возможно. Но я чувствовала, что рядом со мной едет мой ангел-хранитель.

Хотя, если задуматься, учитывая, что на днях я познакомилась с демоном, вполне возможно, что меня просто преследовал очередной странный тип вроде человека-невидимки. Вон Алек же мог сделать так, чтобы ни хвоста, ни рогов не было видно. Что ему мешает целиком исчезнуть и доводить меня своим вниманием? Я надеюсь, что он не станет так делать. А вдруг уже делает? И в квартире моей живет, наблюдает? Не говоря уже о том, что он делал со мной, прежде чем убить. Аня говорила, что он ее три часа без перерыва... так, хватит об этом думать. Ничего не было, никто меня не преследует. Только я и моя шизофрения.

В спортзале по вторникам я арендовала танцевальный класс на два часа. Отличное место для тренировок. Одна стена была полностью завешана зеркалами, пол ровный, в

одном конце стоял пилон, на котором можно было отрабатывать новые связки между элементами танца. В зале была своя музыкальная система, так что не приходилось слушать музыку в наушниках или ту, что играла на весь клуб. Я воткнула свою флешку и начала разминку. Растяжка и разогрев мышц заняли больше сорока минут. Излишне, конечно, но я хочу быть уверена, что моя тренировка обойдется без травм. Как уже говорилось выше, регенерацией я не обладаю. А жаль, может, тогда шрамов бы на теле не оставалось. Или этого жуткого синяка, который мне оставил Алек своим укусом. Придется на работе наносить тонну макияжа и несколько смен выступать с ошейниками, чтобы не пугать клиентов. Да и стыдно было немного за себя. Столько лет в стриптизе, а вертикальный шпагат мне никак не дается. Да и классический, если честно, получается с натяжкой. Нет, я, конечно, могу на него сесть, но не так изящно, как это получается у той же Азии. Да и мое лицо в момент исполнения будет отображать все муки ада, так что вряд ли хоть кто-то найдет это привлекательным. Разве что инкуб, мало ли, какие у них там увлечения, в аду-то.

Направилась к шесту, стараясь придумать что-нибудь изящное, нежное. Пока мысли формировались в образы, задумчиво делала круги вокруг пилона, то быстрее, то медленнее, стараясь уловить ритм. Это состояние подобно трансу. Ловишь мелодию, закрываешь глаза, позволяя музыке взять над собой верх. Тело расслабляется, и годы изнурительных репетиций дают о себе знать. Просто отдаешься своим внутренним ощущениям, а тело само начинает воплощать твои фантазии. Главное, не забываться окончательно, открывая глаза и рассматривая себя в зеркале, чтобы понять, насколько гладко и эффектно выглядят новые связки элементов.

В один из поворотов мне показалось, что я вижу темную фигуру, сидящую на скамье у входа. Чуть не упала, от испуга отпустив пилон. Остановилась, присмотрелась. Никого. Конечно, никого, дурочка. Все дурацкое общение с Алем, будь он неладен. Но на всякий случай сказала пустому залу:

— Алек, если это твои идиотские шуточки, прекращай!

Как будто он меня послушает, если это вообще был он. Вернулась к репетиции. В голову упорно не приходили толковые идеи, так что я решила забраться на пилон повыше. Может, выполняя фигуры вниз головой, что-нибудь получится придумать, а заодно и расслаблюсь. Зажала шест бедрами, откидываясь назад, выгибая спину. И опять темная тень, на этот раз показавшаяся в отражении. Схватила за пилон обеими руками, спрыгивая на пол. Осмотрелась вокруг. Никого. Чертовщина какая-то.

Моя фантазия слишком разыгралась после всех недавних событий. Или, может, это мой ангел-хранитель шалит? Все-таки он мне совсем недавно вновь помог. Неужто он любитель посмотреть на эротические танцы? Наверное, стоит сказать спасибо?

— Дорогой, что ж ты там стоишь в стороне? Может, присоединишься? — решила пошутить я. В конце концов, если я одна, меня никто не услышит. А если нет? А если нет, то есть вероятность, что загадочная тень решит появиться, и мы расставим все точки над «i».

Вернулась к шесту опять. Обхватываю его двумя руками, чуть нагибаясь, руки скользят по гладкому металлу почти до самого низа, я встряхиваю волосами, веду бедрами, заигрывая с воображаемой публикой.

Выпрямляюсь, откидывая волосы назад, собираюсь прижаться к шесту. Чувствую чье-то прикосновение к животу, а у самого уха холодное дыхание и шепот: «Хорошо...»

Закричала. Поворачиваюсь. Опять никого. Пустота, только грохот музыки на весь зал. Нет, я явно не смогу сегодня тренироваться. И беру свои слова назад, не хочу ни с кем

знакомиться, никого видеть, слышать или знать. Поеду в салон, сделаю массаж — и домой. Наглотаться валерьянки — и спать. Я уже окончательно заработалась.

Из объятий Морфея меня выдернули нежные покусывания за плечо. Глаза открывать не хотелось. Волшебные сны о бескрайних черных просторах с фантастическим звездным небом отпускать было тяжело. Столько стресса в последнее время, надо же себе дать поблажку, не поднимаясь в очередной раз в такую рань.

Покусывания сменились влажными поцелуями, поднимающимися от левого плеча к шее, теплая ладонь чувственными поглаживаниями скользнула под мою ночную майку, уверенно продвигаясь к груди. О мои ноги терлось нечто твердое и бархатистое, скользя по внутренней части бедра все выше, ближе к заветному месту.

Но я же одна засыпала! Глаза пришлось резко распахнуть, пока ужас от пришедшего в голову понимания не заставил сердце в моей груди разорваться на мелкие кусочки. И что вы думаете? Открываю я глаза, а в моей постели лежит один наглый инкуб, устроившись со мной под одним одеялом. Раздетый по пояс Алек, которого, похоже, вообще ничего сейчас не смущает, улыбается мне и руки свои с хвостом продолжает тянуть куда не следует. Ноги сомкнула, ладонь инкуба с груди откинула, а вот с кровати встать мне не дали, обвив одну ногу хвостом. Ну и сильный же он — хвост, я имею в виду.

— Алек! Какого... ты делаешь в моей постели?

— Пришел пожелать доброго утра, пообщаться. Растопить лед между нами. — Опять тянется меня поцеловать. Останавливаю его, упираясь в его грудь двумя руками, стараясь локтями сильнее надавить на его ребра, заставляя его отстраниться.

— Во-первых, отпусти меня. Во-вторых, не о чем нам с тобой разговаривать. Я тебе уже сказала, тебе со мной ничего не светит.

Демон убрал хвост, позволяя мне покинуть постель. На мне были майка и трусы-боксеры, но не стесняться же мне инкуба, он в клубе и так уже насмотрелся. Радуюсь, что хоть сплю одетая. Своих шрамов на теле я стесняюсь, даже наедине сама с собой не оставаясь лишней раз без одежды.

Подошла к шкафу, чтобы достать джинсы.

— Ну вот откуда такая категоричность? Я же все равно получу тебя, хочешь ты этого или нет.

Слова демона меня не очень обрадовали, но всерьез я их не восприняла. Все-таки если бы он хотел меня изнасиловать, наверное, уже давно бы это сделал. Он же демон, в конце концов, а я обычный человек. А с другой стороны, я же не все помню из нашего с ним общения. Может, он уже воспользовался моим телом по своему инкубскому усмотрению? Пользуясь случаем, решила уточнить этот момент:

— А что, разве еще не получил?

— Ты это о чем?

— Тогда, в субботу. Ты же приходил ко мне, а после твоего визита я умерла. Так что я делаю вывод, что ты, скажем так, воспользовался физическим превосходством...

Алек сел на край кровати, ни на секунду не отводя от меня неуютного похотливого взгляда.

— Кенна, я инкуб, а не насильник. И никогда не брал женщину против ее воли.

Ну, хоть на том спасибо, если, конечно, ему можно было верить. А тогда к чему эти слова, что все равно меня получит?

— Я могу сделать тебя богатой. По-настоящему богатой. Хочешь миллион?

Я с сомнением посмотрела на парня, не собираясь даже обдумывать его предложение. Но, ради шутки, уточнение все-таки решила внести:

— Рублей? Или евро? — Можно же мне поиздеваться над демоном? Ну, чуть-чуть...

— Женщина, не наглей, — серьезно ответил инкуб, но огонек надежды в наглых глазенках все-таки загорелся. — Рублей, конечно. Может, два? Мало?! Десять? Я демон, ваши человеческие деньги для меня не проблема, но и ты будь разумна!

Я продолжала бесстрастно смотреть куда-то в потолок, в данный момент больше раздумывая над тем, какую кофту надеть сегодня, чем вслушиваясь в слова инкуба. Опять же, слушая доводы разума — ему я сделать ничего не могу, а пока он меня опять не пытается убить или не тянет ко мне свои конечности, наверное, мне не стоит лишний раз переживать. Ключевое слово «наверное».

— Я подарю тебе дом, квартиры, машины. Родителей твоих обеспечу. Тебе надо только согласиться. И я гарантирую, что тебе со мной понравится. Ни один человеческий мужчина не принесет тебе столько удовольствия, как это смогу сделать я.

— Да наслышана уже, Аня хвасталась.

— Вот видишь. А для тебя буду даже стараться. — У Алека от предвкушения даже хвост начал нервно отстукивать по постели. — Ну, так чего ты ломаешься? Честная сделка...

— Сделка? С демоном? Еще душу предложи продать. — Вот как бы убедительно сказать незваному демону в своей спальне, что ему пора уходить? У меня еще планов на сегодня до ужаса много.

— Было бы что продавать, — буркнул себе под нос Алек, после еще раз спросив: — Ну, так как? Согласна?

Еще раз окинула инкуба оценивающим взглядом. Ничего такой, подкачанный, как я уже говорила выше, симпатичный мужчина. Но все равно не мой вариант. Мужика у меня, конечно, давно не было, но не настолько я в отчаянии, чтоб переходить на постельные утехы за деньги, тем более с нечистью.

— Алек, я тебе уже сказала, — ответила я, беря с полки серый кардиган. Желудок уже начал напоминать мне, что хорошо бы позавтракать. А холодильник опять пустой, как назло. — Я не твой вариант. Поищи кого-нибудь другого. Ты парень видный, тебе труда не составит.

— Ну, раз по-хорошему не хочешь... — Алек поднялся с кровати, накидывая на себя футболку без рукавов, которую до этого успел оставить на спинке моего стула, — значит, пошли к хозяину.

Демон в два шага преодолел расстояние между нами, захватил меня в крепкие объятия, и мы оба начали растворяться в воздухе, несмотря на мои попытки к сопротивлению.

* * *

Мне кажется, я потеряла сознание. Потому что, когда в следующий раз открыла глаза, я стояла в абсолютно неизвестном мне месте.

Под ногами оказалась бурая земля, плотно утрамбованная в ровную проезжую часть. А я босиком. Обувь мне никто надеть не дал возможности. Чуть в стороне, ближе к зданиям, располагалась тротуарная зона, выложенная розовым песчаником. Дома вокруг были невысокие, не больше пяти этажей, по большей части деревянные.

Люди вокруг нас... нет, людей не было. Ни одного. Вокруг сновало множество существ, высоких, больше двух метров, худых и жилистых. Вместо стоп у них имелись копыта, звериные мохнатые лапы начинались от колен, если эту часть ноги можно назвать коленом, вниз к копытам росла короткая шерсть. Остальное тело было покрыто темно-красной гладкой кожей. Хвостов и рогов видно не было, руки казались непропорционально длинными, лица вытянутые, изо рта выступали клыки — и нижние, и верхние. Глаза желтые, цвет волос у всех разный, от нормальных человеческих оттенков до совершенно диких зеленых, синих и фиолетовых.

Удивительные подробности успеваешь заметить, пока тебя выворачивает наизнанку прямо посреди проезжей части после демонова-то перемещения.

— Это нолы, местные жители, рабочий класс, — услышала я голос своего инкуба откуда-то сверху.

Разогнулась, посмотрела на Алека, чуть не закричав от неожиданности. Передо мной стоял все тот же инкуб, но только человеческого в нем ничего не оставалось. Копыт я не наблюдала, ноги казались вполне себе человеческими, насколько можно было судить по черным сапогам. Кожа красная, светлее, чем у нолов, с хвостом и рогами я уже была знакома. За спиной у инкуба красовались два темных перепончатых крыла. Крылья были невероятно огромные. Сложенные они заканчивались выше головы Алека сантиметров на тридцать — сорок, а их кончики практически доставали до земли. Глаза Алека были все такие же, насыщенно карего цвета, так что черные вертикальные зрачки, как у кошки, я не сразу разглядела. Клыки торчали только верхние — тонкие и аккуратные. Присмотревшись, заметила, что на коже местами имелись темные чешуйки, они покрывали плечи инкуба, словно легкая броня. Остального под его футболкой видно не было. Когда инкуб потянул ко мне руку, намереваясь положить свою лапу мне на плечо, на пальцах можно было разглядеть длинные заостренные когти.

Осмотревшись еще раз вокруг, увидела других демонов. Кто с красной, кто с зеленой кожей, с крыльями и без, хвостатые, рогатые, все очень разные, но все демоны.

— Ты затащил меня в ад?

— Это не ад. Это Хаос, мой родной мир. Ну как, истерика будет сейчас или попозже?

И улыбается так поганенько, еще и издевается надо мной. Хотя с истерикой он, конечно, угадал. Поджилки у меня тряслись, желудок продолжало крутить, в голове кровь пульсировала с такой силой, что казалось, глаза вот-вот лопнут. Нервный срыв был близок как никогда. Но надо держать себя в руках. Истерикой делу все равно не поможешь, и впасть в нее я еще успею.

— И зачем я здесь?

— Поговорить с хозяином.

Вот, разумный же инкуб попался. Насиловать не собирался, убивать вроде тоже. Может, и хозяин у него адекватный будет, велит оставить меня в покое?

— Отлично! Веди меня к своему хозяину, и закончим с этим.

Алек громко и заливисто рассмеялся.

— Кенна, демоны — свободный народ. У нас нет хозяев. Мы идем к твоему хозяину,

Версалирион восседал в малом зале на своем троне, ожидая, когда явится Алексаион. Этот молодой инкуб срочно просил встречи, заявляя, что у него есть дело к Мудрейшему. Что этому инкубу может потребоваться? Демон устало окинул песчаный зал тяжелым взглядом. Во всем городе большинство построек были из ненавистного песчаника, но деться от этого материала было некуда. Деревья шли на укрепления ветхих хибар нолов, а в их краях уже давно не осталось ничего пригодного для достойной отделки. Один из немногих Высших, Верс мог похвастаться своими колоннами из костяного камня. Серые столбы надежно поддерживали высокие своды, внося в унылое бежево-красное пространство минимальное разнообразие. Костяной камень — одно из ярчайших наследий Разлома, доступное только избранным. И Версу.

Демон ожидал визита, надеясь, что инкуб не подданства просить решил. Слишком уж этот Алексаион несерьезный. В его возрасте порядочные демоны уже переходят на новую ступень, о семье задумываются. А он все с Земли не вылезает. Медом ему там намазано, что ли?

А вот и он, легок на помине. Идет, гордо расправив неокрепшие крылья, хвост в нетерпении мечется из стороны в сторону, в такт с каждым шагом. Причем идет не один. Кто это с ним? Демон принюхался. Человек! Возмутительно, он привел в его дом человека! Ведь знает, насколько это дурной тон.

— Приветствую тебя, Великий. — Алексаион кланяется низко, приветствуя Высшего демона, подталкивая в спину человеческую женщину. Та, опомнившись, делает книксен. Какое безвкусие, но Версалирион закрывает на это глаза. Человеку простительно. Люди уже давно не думают о демонах, обратив свои знания в сказки, чтобы пугать маленьких детей. Хотя от этой девушки Версалирион страха практически не чувствовал. Воздух малого зала наполнялся ароматом волнения, человеческая женщина с любопытством разглядывала демона, высоко задирая голову, чтобы видеть его на высоком постаменте трона. И не боялась его. Зря, тут ей не рады.

— Кого ты привел мне, Алек? — задал свой вопрос Версалирион, пока инкуб не начал перечислять все его звания и имена, как это принято. В этом случае беседа затянется надолго и вряд ли закончится до полудня. Низкий голос высшего демона эхом разнесся по всему залу, заставляя девушку вздрогнуть.

— Мудрейший Версалирион, я привел тебе твою потерянную собственность. Человеческая женщина, зовет себя Кенной.

Собственность? Версалирион еще раз окинул взглядом человечку, пытаясь вспомнить, но ничего на ум не приходило. Уже лет двести он не связывался с людьми. Для точности демон перешел на иное зрение, проверить, что за игрушка перед ним оказалась. Обычный человек, ничем не отличается от миллионов других. Душа только чистая, яркая. С печатью. Уж свой отпечаток Версалирион ни с чем спутать не сможет. Не понимая, что происходит, демон поднялся со своего трона и, не тратя времени на ступени, расправил крылья, чтобы спланировать вниз, приземляясь возле заинтересовавшей его девушки.

Крылья, затекшие от длительного бездействия, были только рады легкой разминке, и,

прежде чем сложить их обратно за спину, демон несколько раз расправил и согнул их, позволяя суставам почувствовать приток свежей крови.

Версалирион рассматривал вновь приобретенную собственность внимательно, словно диковинную зверюшку. Красивая, высокая, стройная, для человека достаточно гибкая и выносливая. Принюхиваясь, понял, что все равно не узнает ее. Пока совершенно бесстыдно девушка восторженно разглядывала демона вблизи, Верс поднял ее руку. Внимание человека к его персоне не слишком радовало его, неприлично же так смотреть на мужчину, совсем ничему не учат этих людей. Зато пока она была полностью увлечена созерцанием, демон успел прокусить ее запястье, быстро слизывая выступившую кровь.

— Эй! — воскликнула Кенна, выхватывая свою руку и зажимая рану. — Совсем сдурели? Почему меня все кусают? И вообще, Алек ошибается, никакая я не собственность.

— Почему она так разговаривает? — Версалирион недовольно обратился к инкубу, игнорируя человека возле себя. — Ты разве не объяснял ей, как нужно вести себя?

— Прошу прощения, Великий. — Алек немного склонил голову. Крылья поджал в смущении. — Я спешил и не подумал об этом.

Мудрейшему Версалириону оставалось только закатить глаза. Инкуб не подумал, естественно. Алек весь такой — там не подумал, тут не сделал.

— Алек, почему вы рычите, я понять не могу? Почему нельзя по-человечески говорить? — опять вмешалась девочка в беседу демона, на этот раз понизив свой тон до шепота.

— Не рычим. А разговариваем, — вместо инкуба ответил Версалирион, переходя на земной язык. У людей на Земле есть сотни разных языков, наречий еще больше, а девушка вроде применила русский, насколько мог понять Версалирион. Практики в этом языке у демона давно не было, да и манера речи со временем сильно изменилась, насколько он мог судить по паре фраз, но за свою память он не переживал. Все-таки насколько в Хаосе все проще — всего один язык для всех народов. Никто не видел смысла усложнять себе жизнь. Человеку, с его несовершенным слуховым аппаратом, действительно кажется, что Версалирион попросту рычит на своего собеседника. Строение голосовых связок у демонов иное, чем у людей. И слух намного тоньше. Мало кто из рас может выучиться языку Хаоса. Слишком много сложных гортанных звуков, много оттенков, тонов и полутонов. Эльфы и то не всегда справляются.

Поразмыслив, Версалирион принял решение, что, пока женщина гость в его доме, пусть и незваный, в рамках приличия стоит вести беседу на ее родном наречии.

— Пока хозяин разговаривает, ты не должна перебивать. Жди, пока тебе разрешат молвить.

— Какой хозяин? Еще раз — я не чья-либо собственность!

— Душу продала, значит, собственность, — ответил ей демон, пока еще спокойно, но раздражение уже начало закипать в недрах его сердца. Человеческая женщина постоянно отвлекала его, не давая сосредоточиться на ее крови.

— Никому я ничего не продавала, — возмущенно произнесла человеческая девушка, а Алек протянул ей чистый платок, чтобы перевязать рану.

— Алексаион, пусть она замолчит, — тихо предупредил Верс, обращаясь к инкубу на хаосском языке. Может быть, начал думать демон про себя, за долгие годы он все же успел позабыть русский и девушка его не поняла?

Инкуб, недолго думая, просто закрыл девушке рот своей ладонью. Человечка начала

возмущенно что-то мычать, но это мелочь. Сейчас Версалирион сосредоточился на воспоминаниях. Когда он успел купить эту душу?

— Конечно, не продавала, — согласился инкуб с девушкой, шепча ей слова на ухо, стараясь не отвлекать Высшего. — Продажа души уже лет триста как из моды вышла. Мы нашли более эффективные способы пополнять свои силы.

И то правда. Прогресс в Хаосе не стоял на месте. Раньше, по молодости, демоны отправлялись на Землю, соблазняли людские умы, чтобы получить разрешение забрать их душу себе. Ведь что есть душа? В первую очередь — чистейшая энергия, заставляющая физическую оболочку жить. А без оболочки эта энергия остается бесхозной. Почти всегда души возвращаются в Нижний мир, куда их забирают Жнецы. Иногда души достаются демонам по контракту. Тогда их яркий свет поглощают. Новый хозяин разрушает оболочку, делая частью себя, становясь при этом сильнее. В отдельных ситуациях можно забрать эту энергию себе без спроса, например, используя ритуалы с жертвоприношением. Если все сделать правильно и быстро, оболочка души разрушится до смерти физического тела. Тогда Жнецам забирать уже нечего, а высвободившуюся энергию удастся использовать.

В памяти Верса начали проявляться моменты давно ушедших лет. Сколько уже прошло времени с тех пор? Лет триста — четыреста? Не меньше.

— Мм, теперь я вспомнил, — протянул довольно демон. — Дочь священника. Родная кровь...

— У меня папа автомеханик. И он точно не мог продать мою душу. — Алек не усмотрел за своей спутницей, опустив руку с ее рта.

Видимо, решил, что она успокоилась и не будет больше говорить. Ошибся. Версалирион по его глазам понял, насколько инкуб растерялся. Снова тянет ладонь к девушке, чтобы ее заткнуть. Но в этот раз Верс подал знак, чтобы инкуб остановился, решив снизойти до разговора с девушкой.

— Нет, не твой отец, кто-то старше. Я заключал эту сделку давно. Священник обещал отдать мне душу первой крови женского пола, что появится в его роду. Хитрый был. Попросил у меня силы в обмен на твою душу и использовал ее, чтобы у него в роду девочки не рождались. Какая напрасная трата моего дара. Вместо того чтобы что-то полезное сотворить, почти на четыреста лет испортил здоровье всему роду. И ради чего? Можно же было самому себя в руках держать и единственному ребенку не дать потомства завести. Для этого и магия не нужна, а он на грех пошел. Глупые люди...

— И что вы теперь будете со мной делать? — В воздухе запахло отчаянием и страхом.

Наконец-то Версалирион дождался адекватной реакции от человека. Ему захотелось еще поугадать девочку, чтобы она знала, с кем разговаривает. Да и интерес разыгрался не на шутку, что там, на Земле, про демонов думают?

— А что, по-твоему, делают демоны со своей собственностью?

— Любят? — неуверенно произнесла Кенна, тщательно перебрав в голове всякие варианты, которые ей попадались в последнее время в книжках. А вариантов-то нашлось не так много. В отечественной литературе бытовало только две точки зрения по поводу поведения демонов. Тут или пытки с издевательствами, или гарем, а затем большая и светлая любовь. Но не озвучивать же вслух версию про адские муки? «Вдруг еще идей подкину», — здраво рассудила девушка. А вот умудренный жизнью Верс поперхнулся от неожиданности.

— Прости, что ты сказала?

— Ну, я имею в виду, вы же именно женщину себе для сделки просили... А вы,

очевидно, мужчина вроде... И значит, будете меня... то есть со мной...

Слова так и застряли у девушки в горле. Темнокожий демон расхохотался.

«Ничего в человеческом мире не меняется, все так же мнят себя центром Вселенной», — с грустью подумал Версалирион. Все-таки он ничуть не жалел, что не покидал Хаос последние полтора века.

— Девочка, мне больше шести сотен лет, я Высший демон с практически безграничными возможностями. А ты простой человек, пусть и приятной наружности, но тем не менее всего лишь человек. Со стандартным набором, кхм, отверстий и скудным количеством конечностей. У тебя нет ни должного опыта, ни выносливости, ни фантазии, чтобы суметь удовлетворить мои потребности как мужчины. Я не какой-нибудь инкуб — прости, Алек — или мальчик, чтобы тратить свое время на таких, как ты.

«Пусть знает свое место», — строго решил Версалирион, не собираясь и дальше продолжать беседу с девочкой. Лучше узнать, чего хотел добиться Алексаион своим «подарком». А человеческая женщина со своей глупостью не вызывала в демоне ничего, кроме жалости к ее безграничной наивности. Это низшим демонам простительно связываться с подобным отребьем. Им питаться чем-то надо, опыт нарабатывать. Хотя все равно есть гораздо более совершенные расы, наделенные хотя бы даром, не говоря уже о культуре. «А люди? Фу... Тупой, тщеславный скот». — Верс с отвращением поморщился, не понимая, что инкуб нашел в этих убогих. Сам себе демон не позволял даже по молодости вступать в подобные связи.

— То есть любви не будет? — с неким облегчением спросила Кенна.

— Любви? Вы, люди, даже не знаете, что такое любовь. Ваше тело слишком слабо, чтобы суметь осознать и ощутить всю полноту этих эмоций. Для вас любовь — набор химических реакций в организме. Добавил гормон — есть чувство, убрал — нету. Мы стоим на другой ступени эволюции и умеем любить. Один раз и на всю жизнь. Мы тратим сотни лет, чтобы найти свои половинки, и остаемся им верны до конца жизни. Для вас, людей, секс и любовь почти не имеют разницы. Так что не стоит говорить о том, чего не знаешь.

— Но раз я вам не нужна, может, отпустите меня? Вы сами сказали, что душами больше не подпитываетесь, а как женщина я вас тоже не устраиваю. Может, расторгнем сделку?

«Какой наглый человек», — еще раз недовольно отметил про себя Верс. Раздражение в груди только больше разгоралось. Беседа ему не нравилась с самого начала. И необходимость и дальше тратить свое время на *это*...

— Почему не нужна? Душа все равно несет силу, которую я могу поглотить, — прошипел он сквозь плотно сжатые зубы. Радуюсь, что человечка все-таки начала чувствовать себя некомфортно, а в малом зале наконец разносился аромат страха, которого достоин по отношению к себе Высший демон.

— Версалирион, отдай ее мне, — попросил Алек, перебивая Высшего демона. — Из-за твоей печати на нее не действуют мои чары. По своей воле она не согласна. На время — все равно, пока она жива, ты не забереешь ее душу. А я через неделю-другую наиграюсь и верну.

— Вы в своем уме? — возмутилась девушка, вырываясь из объятий инкуба и делая несколько шагов в сторону, пока Алек не остановил ее своим хвостом. Видимо, для человека этого оказалось достаточно, чтобы переступить грань между обычным испугом и панической истерикой. Но откуда Высший демон мог это знать? Человеческая психика такая хрупкая и неустойчивая. — Я не вещь, чтобы меня дарить или одалживать. Я живой человек! — сказала она, будто этот факт имел какую-то ценность для обитателей Хаоса. —

Один древний старик свою постельную беспомощность скрывает историями про истинную любовь, еще и меня с грязью смешал. Второй похоть никак унять не может. Версали... Тьфу, язык сломаешь, пока выговоришь. Верс! Если я для вас просто вещь со стандартным набором отверстий, что ж вот этот рогатый от меня никак не отлипнет? Читала я про демонов, вам бы только человеческую девушку трахнуть! Так что нечего про меня тут наговаривать, что я в постели бревно, если у самого ни на что сил нет!

— Ты что, бессмертная, что ли? — гневно прорычал Версалирион, ушам не веря, что эта женщина сейчас осмелилась не просто подумать такое о детях Хаоса, но и высказать вслух. Инстинкт самосохранения у этой идиотки определенно отсутствовал. Судя по тягучему аромату отчаяния, девушка успешно переступила грань нервного истощения. Но это не повод Высшего демона оскорблять или тем более повышать на него голос. В Хаосе и за меньшее убивают.

— Вообще-то да! — воскликнула Кенна, гордо скрещивая руки на груди. Подозрительно, но место страха моментально заняло ощущение спокойствия и удовлетворения.

Версалирион перевел взгляд на инкуба, вопросительно поднимая брови вверх.

— Это правда. Я сам пытался один раз ее убить. — Инкуб бросил короткий взгляд на свою спутницу и добавил: — Случайно. А она жива.

Человечка продолжала что-то возмущенно тараторить, все больше вызывая гнев Высшего демона.

— Не умеешь — не берись, — бросил Верс инкубу, делая шаг к девушке и одним движением сворачивая ей шею. Тишина. Наконец-то в малый зал вернулась полная тишина.

Интерлюдия II

Она стоит на самом краю утеса, ее теплая кожа лишь едва прикрыта тонкой тканью простыни. Черная скала служит надежной опорой ее хрупкому телу, которое вздрагивает от каждого порыва ветра. Моя...

Она вглядывается в пропасть под своими ногами. И я знаю, что она в ней видит. Там, далеко внизу, стелется река, течение ее медленное, плавное, а воды жизни искрятся и сияют нежным голубым светом. Конца и края реки не видно, бесконечной змеей русло извивается по серым пустынным землям. На небе горят миллиарды звезд, открывая вид на неизвестную ей галактику. Три луны покрывают обнаженные плечи девушки мягким свечением, делая ее загорелую кожу бледнее.

Где-то вдалеке, у самого горизонта, она сможет заметить кромку океана. Если захочет. За все наши встречи мой хрупкий ангел впервые набралась отваги покинуть пределы моей обители. Да и времени никогда не хватало. Раньше она успевала только разглядеть небо.

— Тебе здесь нравится? — не желаю прерывать ее раздумий, но тишина вокруг нас затянулась, а я сторал от нетерпения вновь услышать ее голос. Оборачиваться она не стала. Открывшийся ей вид затягивает, лишая желаний оторваться даже на секунду.

— Здесь очень красиво, — кивает она.

Мои руки ложатся на ее плечи, слегка сжимая.

— Скоро тебе не нужно будет отсюда уходить, — с грустью признался я. И мне не остается ничего, кроме как в очередной раз стереть воспоминания о нашей короткой встрече.

— Где мы? — задает она вопрос, собираясь обернуться, но я не позволяю, мягко

удерживая ее на месте. Чувствую, как она прижалась ко мне спиной, и опускаю руки на ее талию, касаясь губами мочки уха. Еще чуть-чуть, и я вновь стану для нее незнакомцем, о котором она и не вспомнит наутро.

— Совсем скоро ты вернешься домой, — обещаю я ей. Осталось недолго ждать. Ее время на исходе, так что мне приходится начать медленно обволакивать ее своим туманом.

— Это все сон? — неуверенно спрашивает она.

Каждый раз один и тот же вопрос. Руками только крепче прижимаю ее к себе.

— Сон. И скоро ты проснешься. И опять ничего не вспомнишь, — вновь с невыносимой тоской отвечаю я. — Тебя уже ждут. Скажи им, чтобы отпустили тебя. Твою душу.

Я не мог видеть ее лица, но чувствовал, как она слегка улыбнулась. Этот разговор у нас происходит уже не первый раз. Для меня, во всяком случае. И до этого раза мой ангел всегда печально улыбался, и я мог это видеть.

— Говорила уже, но меня не слушали...

— Моя дорогая Эрешкигаль... Они услышат тебя. Как только придет время. Я заставлю их услышать.

— Но...

— Ступай. — Мой туман укрыл ее почти полностью. Больше медлить нельзя. Ей пора проснуться. — Скоро мы будем снова вместе. Навсегда.

Я открыла глаза. Тело неприятно затекло, и сейчас покалывания растекались по ногам и рукам. Яркий свет из окна слепил. Прошлый день не помню напрочь, а вот проснулась я, по обыкновению, в своей постели, в стандартном комплекте одежды «вчера меня убили».

— Я же говорил, что не сработает, — услышала я Алека где-то за своей спиной.

— Странно. Это не моих рук дело, — вторил ему приятный незнакомый баритон. Такого раньше не было.

Горло пересохло, очень хотелось пить. Шея болела. Но пришлось повернуться на кровати, на всякий случай натягивая одеяло почти до самых ушей.

В спальне стояли двое. Один — мой навязчивый красавчик инкуб, подозрительно веселый. Зато хоть на этот раз одетый. А вот второго я видела впервые. Крупный мужчина, высокий, метра два, не меньше, накачанный. Не так чтобы слишком, как это бывает у спортсменов-бодибилдеров, у этого все было в самый раз. Мощные сильные руки, широкие плечи. Сквозь футболку я видеть не могла, но наверняка на прессе имелись кубики. Руки были покрыты татуировками-рукавами. Лицо гладко выбрито, брови густые, глаза серые, стальные. Волосы темно-русые, коротко стрижены. И взгляд тяжелый, неприятный. Заставляет съеживаться на месте, да и ощущение такое, что этот медведь готов броситься на меня в любую секунду. Нет, такого мужчину я точно запомнила бы. Хорош, что тут скажешь.

— А это кто? — спросила я недовольно. Интересно, у меня каждый раз после сна в комнате будет нарисовываться на одного мужчину больше, чем до этого? Не спальня, а проходной двор, честное слово. А ведь я порядочная девушка, из хорошей семьи...

— Я Версалирион. Мы вчера уже общались.

— Да? — В памяти ничего не всплывало, следовательно, кто-то, и, вероятно, один из этих двоих, меня опять убил. А я говорила уже, что сверхспособности ни к чему хорошему не приводят. — Какие же вы оба уроды, — оставалось возмутиться, садясь на кровати, поправляя на себе одеяло. Пусть хоть мягкий кокон меня защитит от одного сурового и одного похотливого взглядов незваных визитеров.

— Вот, кстати, когда ты вчера начала ему хамить, Версалирион вспылил, после чего... — решил дать совет инкуб, делясь событиями прошедшего дня.

— Поняла, молчу, — пообещала я. Да, я бываю вспыльчива в стрессовых ситуациях. А осознание того, что в любом случае наутро проснусь в своей кровати, ничего не помня, напрочь сносит все рамки приличия. Увы, нахамить действительно могу. — Выйдите, мне надо одеться.

К моему удивлению, мужчины послушались, направившись в гостиную и оставляя меня в пустой комнате. Этот Верса... как его там, видимо, был главным в их паре. Я-то успела заметить, как он кивнул Алеку на выход. Наспех натянула на себя джинсы, белую майку оставила, но надела под нее лифчик, и вышла в гостиную с абсолютно несостоятельной надеждой, что квартира окажется без непрошенных гостей. Ну да, как же. Вон, расположились на моих барных стульях, за стойкой моей кухни.

— Покорми нас, женщина, — приказал тот, что с невероятно длинным именем. И я

надеюсь, он имел в виду человеческую пищу, а не то, чем обычно питается инкуб.

— Уважаемый, я вас сюда вообще не приглашала и готовить не собираюсь. Давайте разойдемся, и больше вы в моей жизни появляться не будете?

У новенького кулаки сжались так, что аж костяшки побелели. Алек положил ему руку на плечо в попытке немного успокоить. Вроде взрослый дядя, а нервишки-то шалят. А между прочим, из всех здесь присутствующих волноваться следует только мне. С Алеком я уже проверяла — ему я особого вреда нанести не смогу. А этот новый, судя по всему, не менее крепкий. Так что оценивающие взгляды в сторону коридора с пистолетом даже и не бросаю. Мне хватит и двух смертей на одной неделе.

— Говоришь, она ничего не помнит после смерти? — обратился новенький к инкубу. Алек кивнул. Мужчина глубоко вздохнул и повернулся ко мне: — Нет, я все заново повторять не собираюсь.

Мужчина встал и направился в мою сторону. Стало очень не по себе. Но я же, черт возьми, гордая! И, судя по всему, глупая. Вместо того чтобы рвануть с места к выходу из квартиры или хотя бы в своей комнате попробовать запереться, осталась стоять на месте. Спинку выпрямила, подбородок вздернула. В конце концов, ну еще раз убьет, что с того-то? А бегать тут, салочки с демоном по квартире устраивать — ну уж нет. Еще мебель попортят. Я-то оживу, а вот такого бирюзового дивана больше не найти.

Мужчина остановился передо мной, нависая, словно скала. Мне пришлось сильно задрать голову, чтобы и дальше продолжать смотреть в его злобные глаза. На его фоне я смотрюсь как букашка. Демон обхватил мою несчастную голову своими огромными лапами, большими пальцами ощутимо надавливая на виски. Я даже дернуться не успела. От его пальцев я почувствовала легкое тепло, которое словно заползало внутрь. Ощущение оказалось неприятным. Сначала. А на фоне того, что произошло дальше, — просто несущественной мелочью.

Волны воспоминаний начали просыпаться в моей памяти, я постаралась вывернуться из цепкой хватки демона, но было уже поздно. Мое тело вспомнило вчерашний день. Хаос, ноли, демоны, души и истинная любовь... я должна молчать, пока они разговаривают, что-то про мои конечности, Алек просит меня, потом неприятный хруст... Леденящий ужас прошел по позвоночнику, голова сама дернулась вбок, повторяя вчерашнее движение, прежде чем меня убили. Мышцы шеи свело, я закричала, падая на пол и хватаясь руками за голову. Нет, зачем он так? За что? Я не хочу этого помнить, чувствовать.

Демон, закончив свое мерзкое дело, направился обратно на кухню, пока я, отталкиваясь ногами от ненавистного нового ковра, старалась спрятаться ото всех между креслом и стеной в углу гостиной. Зубы стиснуты с такой силой, что, кажется, вот-вот раскрошатся.

— Зачем ты с ней так? — укоризненно спросил инкуб, оказываясь рядом со мной. Его ладони на моем лице, я чувствую их тепло. Страх отступает вместе с болью. Смотрю в глаза Алека, а в душе наступает удивительное спокойствие. Нереальное, волшебное. Но его чары ведь не действуют на меня? Алек помогает мне подняться на ноги. Сейчас чувствую себя намного лучше.

— Кенна, сделай нам кофе, пожалуйста, — свое «пожалуйста» Алек произнес с таким нажимом, что отказывать было, судя по всему, себе дороже.

Включила кофеварку, залив воды из-под крана в отсек, достала свежий фильтр, насыпала в него молотый кофе, под носик поставила стеклянный кофейник. Открыла холодильник в поисках чего-нибудь съедобного для себя. Мм, йогурт. Подойдет. Открыла

бутылку, сделала пару глотков, глядя на двух демонов на своей кухне.

— Так что, Верс? Отдашь мне ее? На время?

Я закатила глаза к потолку. Невероятно, все происходит на полном серьезе. Два демона на моей московской кухне обсуждают, как и в какой последовательности мной будут пользоваться.

— Я еще подумаю. Женщина, почему ты не умираешь?

— Кенна, — поправила я его. Только как-то тихо и невнятно. Это вот «женщина» сильно раздражало, но еще раз оказаться трупом я пока не горю желанием. Если Алек и использовал магию, чтобы меня успокоить, то он явно перестарался. Отчего-то чувство страха отсутствовало, несмотря на все ожившие воспоминания. — Почему я вообще должна с вами разговаривать?

И опять голос отказывался меня слушаться. И мой вопрос был больше похож на тихое брюзжание себе под нос.

— Потому что я твой господин! — стукнул демон по столу кулаком, я подскочила на месте и поежилась. Глаза демона почернели, становясь такими, как были вчера. Жуткие, всепоглощающие. Хотелось сбежать подальше и при этом остаться с ним рядом. Притягательный мужчина, сексуальный. Интересно, у меня с головой вообще все в порядке, если после всего у меня такие мысли появляются? Может, он мне вчера повредил что-то?

— И ты будешь делать, что я велю. Сделка состоялась, я обещал твоему предку подарить тебе восемнадцать лет жизни, ты прожила дольше. Пока я не получу твою душу, ты будешь служить мне.

— Пфф, — только и смогла выдать я. Смешно. Вот и где инстинкт самосохранения? Только что же был здесь. — Демон, давай так. Ты, судя по всему, не имеешь ни малейшего отношения к тому, что я не могу умереть. Так что моя душа останется при мне. Если я не буду тебя слушаться, то что? Убьешь меня? Да пожалуйста! Я же опять все забуду и проснусь в своей постели.

Довольная собой, я поставила йогурт на стол, скрещивая руки на груди и гордо вздергивая подбородок. А в голове уже роились мысли — зачем я так? Если это Алек на меня так подействовал и меня сейчас убьют (опять), то оживу и уши этому психологу-самоучке пообдираю.

— Люди, — вздохнул демон, нехорошо улыбаясь. — Никакой фантазии, я же говорил. Я ведь могу не убивать тебя. Могу, например, отдать тебя Алексалиону. Он вон как просит.

Решимости во мне, конечно, поубавилось, но сдаваться быстро не хотелось.

— А пусть. Он утверждает, что мне понравится, Аня вон тоже его таланты нахваливала. А личной жизни мне уже давно не хватает. — Я постаралась придать себе максимально безразличный вид.

— Я демон, женщина. Не дразни меня. Скажи, а родители твои тоже бессмертные? Или все-таки нет? Я могу уничтожить их. А если и после этого ты решишь, что рычагов давления на тебя не осталось, я могу приказать тебя пытать. Неделями, не давая умереть. Чтобы ты как следует запомнила все. А когда на тебе живого места не останется, убью. И начну опять сначала.

Я дрогнула. Да, моя фантазия на такой исход событий вовсе не рассчитывала. Врут все книжки. А как же любовь с первого взгляда? Где мои бессонные ночи с неудержимым демоном-любовником, который будет меня раскрепощать, завладев не только душой, но и телом, и разумом? Ах да, у меня для этого скудный набор конечностей...

Кофеварка пропищала, я поспешно отвернулась от демонов, чтобы достать чашки дрожащими руками. Только бы не заплакать, возненавижу себя за это. Взяла в руки кофейник с целью разлить горячий напиток по чашкам.

— Может, она феникс? — предположил Алек, пока я была занята делом.

— Какой, в Бездну, феникс? Тебя в академии совсем ничему не учили? Фениксы, умирая, сгорают. И возрождаются из пепла несколько дней. Да и блок на ее памяти откуда? Еле снял, и то не полностью.

«Скажи им», — у самого уха раздался шепот, обжигая меня ледяным дыханием. От неожиданности я вскрикнула, роняя кофейник на пол. От удара о плитку стекло разлетелось вдребезги, заливая все вокруг обжигающе горячим кофе. Оба демона моментально вскочили со своих мест, Алек оказался рядом, оттаскивая меня в сторону, чтобы кипятик не залил мою одежду.

— Что ты творишь, женщина? — строго спросил Верс.

А я стояла как в ступоре, в голове всплывали удивительные картины сна, постоянно ускользая, не давая вспомнить четкого изображения, и только одна фраза, словно выжженная в памяти, пульсировала на языке.

— Сними печать, Версалирион, сын Андрилириэля.

Я смотрела на двух демонов, они смотрели друг на друга, словно обменивались мыслями.

— Что ты сейчас сказала? — Верс перевел взгляд на меня.

А я чувствовала себя полной идиоткой, потому что и вспомнить-то не могла, хотя прошло всего несколько секунд. Словно сама не своя. Чертов демон все-таки повредил мой мозг, не иначе.

— Что ты сейчас сказала?! — прикрикнул на меня демон, заставляя сжаться еще сильнее.

— Не знаю! Я не помню! — честно призналась, переходя на такой же крик, что и демон. У меня тоже голосовые связки неплохо работают, если ему так погорланить хочется.

Верс направился в мою сторону, отодвигая от меня инкуба. Сейчас же опять ко мне руки потянет. Зато пока оба исчадия ада пытались разойтись на моей маленькой кухне, у меня оказался свободный проход к коридору. Не теряя ни секунды, схватила чугунную сковородку, спасибо бабушкиному наследству, с размаха нанося удар по лицу Верса. Хорошо, сковорода большая и тяжелая. От полученной оплеухи демон завалился на инкуба, а у меня появилось время рвануть к выходу из квартиры.

Сердце в груди билось как бешеное, под ложечкой засосало, я ощущала прилив адреналина, когда сумела выбежать на лестничную площадку. Мозг отключился (Ау, мозг! А ты вообще сегодня работать будешь? Что за внеплановый отпуск в условиях военного времени?), в глазах рябило. Как там в фильмах делают? Схватила за перила, перенося вес сначала на руки, а затем перескакивая ограждение, чтобы нырнуть на пролет ниже. Не бежать же по ступеням? Так только шею свернуть можно. Первый прыжок дался на удивление легко, я даже ничего себе не повредила. Все-таки тренировки с пилоном имеют свои плюсы. Чувствуя себя не просто опытным паркурщиком, а практически покорителем Эвереста, поспешно продолжила свой путь на первый этаж.

Только после третьих побежденных перил приземлилась я не на ступеньки, а в распростертые объятия инкуба. Алек мне ничего не сказал, крепко сжимая в кольце своих

рук. Я еще пыталась брыкаться, только что толку, если поганец уже провернул свой трюк с перемещением и мы вновь оказались в моей квартире?

Версалирион стоял с крайне недовольным выражением лица. Я даже трепыхаться в объятиях инкуба перестала. Да что там, конкретно сейчас мне захотелось оказаться под его защитой. Демон подошел к нам, вновь опуская руки мне на голову, а Алек, вместо того чтобы помочь, только надежнее меня зафиксировал. От его прикосновений веяло теплом и спокойствием, так что желания сопротивляться не оставалось. Вот все-таки колдует? Я зажмурилась, ожидая вновь неприятных последствий. Но, к моему несказанному удивлению, после манипуляций Верса ничего не произошло.

— Интересные дела... Алек! Остаешься с ней, ни на шаг не отходишь до моего возвращения.

— Ты дашь мне разрешение ею пользоваться?

— Нет. Пока нет. Может, позже. Если сама согласится, делай с ней что хочешь. Мне пока нужно кое с кем посоветоваться.

И демон исчез, растворяясь в воздухе.

Интерлюдия III

1614 год. Россия. Где-то в Архангельской области

Отец Иоанн вторую неделю мучился кошмарами. Проклятая бессонница не давала сомкнуть глаз до самого утра, а засыпая, видел он сны странные, мрачные.

Вот и сегодня, после очередного кошмара, все из рук валится. Да и руки трясутся, будто пил. Что народ в церкви скажет? А ужасы какие сегодня снились!

Видел он земли мертвые, черные, сухие. Трава и то не растет, все пыль да камень. На много верст вокруг. Холмы видны, вдали скалы черные до неба. Место гиблое, плохое. Ночь на земле, только лунный свет тьму вокруг разгоняет. И, что странно, луны три в небе. Словно в троице этой знак какой свыше узреть должно.

Отец Иоанн давай бежать, но, сколько бы ни старался, все как на месте стоит. Пустыня эта безжизненная, конца и края не видно. И такие кошмары мучают батюшку каждую ночь. А сегодня и того хуже стало. В пустыне этой проклятущей явился ему голос нечеловеческий.

— Внемли, отец, — слышал он. Будто в собственной голове голос молвит. Перекрестился батюшка, по сторонам озирается. Из воздуха пред ним тень черная предстает. Туманом одежды ее стелятся, фигура высокая вырисовывается. Тело белое, глаза будто светом синим горят.

— Чур меня! — Отец Иоанн на колени падает, молитвы все из головы повылетали.

— Мне было видение, — тень шепчет. Только не тень она более, куда там. Руки из-под одежд своих темных к нему тянет. Длань тонкая, костлявая, с когтями, аки у зверя дикого. — Отец Ану, дашь жизнь ты девочке. И в этом ребенке возродится жена моя.

— Отче наш, — повторял батюшка молитву свою, не желая слышать слов лживых.

— Я ждал этого тысячи лет. И дух моей Эрешкигаль вернулся. В хрупком теле она родится. Опорой стань ей, отец Ану. Силы дам тебе защитником быть, пока срок не настанет.

— Чему срок?

— Вернуть ее домой.

— Не будет девок у меня! Детей не будет, не дам я злу на земле русской появиться, —

нашел в себе силы ответить отец Неведомому.

— Не зло я. И дочь твоя злом не станет. И судьбу ты не исправишь, старик. Мне было видение. И боли не вздумай причинить ребенку, узнаешь на себе гнев мой. Ступай к жене. Силу мою примешь, чтобы девочку защитить. Я буду ждать, когда возродится моя Эрешкигаль. И приду вновь, когда созреет дух ее.

Протянул Жнец руку свою к священнику и коснулся когтем указательным его ладони. Холодным укусом боль руку пронзила, вырывая священника из сна.

И привидится же такое. До сих пор кружку в руках удержать не может, слабость тело все одолела. Зажег отец Иоанн свечей, чтобы мрак предрассветный разогнать, глянул на ладони свои и кружку выронил на пол.

На левой руке его отметина черная стояла. Слово краска растеклась цветком причудливым. Наслюнявил отец Иоанн палец свой, потер грязь, но не сходит она, будто под кожу вьелась. Так до утра и не вернулся он в постель к супружнице, сидел и думы думал.

Наутро так его жена и застала — у потухших огарков, поникшим за столом, с опрокинутой кружкой на полу. За окном метель разыгралась не на шутку, печь давно остыла, а муж ее даже тулупа на себя не накинул.

— Что сидишь такой, будто места себе не находишь? Опять кошмары?

— Сон странный видел я, — признался отец Иоанн супруге своей. — Плохой сон, черный.

— То сны, — махнула баба, в платок шерстяной заворачиваясь. — Ты лучше о нас подумай. Вести есть у меня счастливые. Говорить не хотела раньше срока, но вижу, тебе сейчас радость нужна. Благословил нас Господь, будет у нас ребеночек.

Отец Иоанн рот открыл от изумления, на жену любимую смотрит, а слов вымолвить не может. Только себе обещает, что защитит семью. И жену, и ребенка. Любой ценой. Душу свою положит, но не даст Проклятому девочку его получить.

2014 год, Россия, Москва

— Алек, ты так и будешь за мной по пятам ходить? Я еще душ принять собиралась!

Инкуб крайне ответственно подошел к распоряжению Верса, не оставляя меня в покое ни на минуту.

— Так пойдем вместе. Я могу тебе спинку потереть.

— Тебе начальник что сказал? Меня не трогать!

— Он не начальник, — проговорил Алек, в очередной раз протягивая ко мне руки.

— А что ты тогда перед ним так стелешься?

— Не стелюсь, а соблюдаю субординацию. Он выше меня в иерархии и сильнее. А тебя очень даже можно трогать, тебе только следует согласиться.

— Отстань, бес! Ты знаешь, что твои чары на меня не действуют.

Алек абсолютно наглым образом прижал меня к стене. Обнюхав мои волосы, он коснулся губами шеи, заставляя сердце забиться чаще.

— Поверь, мне совершенно не нужны чары, чтобы заставить женщину хотеть меня, — прошептал он, судя по всему, собираясь продолжить свое активное наступление.

Постаралась как можно сильнее оттолкнуть его от себя, но демон так и остался стоять на месте, опуская свои руки к моей заднице.

— Ты хочешь сказать, что все инкубы такие неотразимые любовники? — постаралась отвлечь его вопросом.

— Вообще демоны намного лучше человеческих мужчин, — ответил он, практически не отрываясь от своих ласк, но руки все-таки остановились на пояснице. — Мы выносливее, физические параметры у нас намного лучше. И больше, — добавил инкуб, чуть подумав.

— Ну, раз вы все такие чудесные, почему я должна спать именно с тобой? Давай стоняем в твой Хаос еще раз, может быть, я выберу себе кого-нибудь?

Уловка сработала, и инкуб отстранился.

— Я-то чем тебя не устраиваю? Я щедрый, ты получишь уйму удовольствия, и я не выпью слишком много энергии. — Похоже, я действительно обидела Алека. — И потом, не каждый демон свяжется с человеком. У Высших это вообще дурной тон.

— Что же ты-то от меня никак не отстанешь?

— Я инкуб! Мне плевать на расу, главное — энергия, которой я могу подпитаться. И люди мне нравятся, вы вкусные. И развратные. А ты особенно приятно пахнешь.

— Запретный плод сладок, да?

В следующую секунду Алек вновь крепко прижал меня к стене своим горячим телом, впиваясь в губы. Его язык оказался у меня во рту раньше, чем я успела сообразить, что происходит, а колено уверенно протискивалось между моими бедрами. Миг — и, растворившись в воздухе, мы вновь появились в гостиной, но уже лежа на диване. Я оказалась снизу, Алек лежал сверху, продолжая свой жадный поцелуй. Чуть отстраняясь, он укусил меня за нижнюю губу.

— Я могу быть страстным, — горячо прошептал он, до боли стискивая мои бедра,

прижимая к себе, резкими движениями сминая мою грудь, оставляя засос на шее, заставляя мое дыхание сбиваться.

— Могу быть нежным...

И вместо жадных, ненасытных рывков последовали аккуратные, томительно-медленные поцелуи, покрывающие мои припухшие губы, лицо и шею. Инкуб уверенно и осторожно прокладывает влажную дорожку к моей груди, совершенно незаметно для меня оказавшись у меня между ног. Я почувствовала его возбуждение, когда он потерся о меня своими бедрами, словно дразня. Его руки устремились мне под майку. Прикосновения к обнаженной коже живота меня немного отрезвили.

— Так, стоп! — Я уперлась ладонями в грудь Алека, отстраняя его от себя. — Поиграли, и хватит. Я сказала тебе — нет. И заканчивай свои попытки.

«Пытки», — отозвался мой затуманенный возбуждением разум.

К моему приятному удивлению, мне даже позволили подняться с дивана.

— Я в душ, и, Богом клянусь, если сунешься туда, я отрежу тебе твой хвост и отправлю Версу, завязанный бантиком.

Алек поднял руки вверх, давая понять, что на этот раз он сдался. А вот ехидная улыбка с лица у него не сходила.

— А я смотрю, ты завелась, — подмигнул он мне, устраиваясь на диване удобнее, беря с журнального столика книгу, которую я еще неделю назад там забыла. Надеюсь, он действительно займет себя чтением.

Я быстро направилась в ванную, пока инкуб не задумал еще раз попытать удачу.

Включив воду, чтобы прогреть кабинку душа, я наспех скинула с себя одежду, в очередной раз с грустью глядя на свое отражение. Шрамы белесыми полосками уродовали стройную фигуру, заставляя стесняться не то что посторонних взглядов и прикосновений, но даже собственных. Мне не нравилось смотреть на себя такую. Я не помнила, как они появлялись, поэтому каждый раз казалось, что я вижу кого-то другого в отражении. Цена моей жизни. Рваные неровные полоски, объемные, пугающие. Однажды, я надеюсь, когда скоплю достаточно денег, чтобы обеспечить родителей, закрыть ипотеку, уйти из клуба, я пойду в клинику сделать операцию, чтобы шрамы стали хоть чуть меньше заметны. Или, быть может, с годами я к ним привыкну. И не побоюсь кому-нибудь их показать.

Теплая вода приятно ласкала тело, прогоняя непрошенные мысли прочь. Чертов инкуб был прав, я почувствовала возбуждение. Я так давно живу одна, что впору вновь объявлять себя девственницей. Стриптизерша-монашка, блин. А тут демон, воплощение секса, как его назвала Аня, со своими поцелуями.

Забравшись под мягкие струи теплой воды, выдавила на мочалку гель для душа, начиная растирать намокающую кожу. В кабинке душа было хорошо и тепло, пар успел заполнить не только ее, но и всю небольшую ванную.

— Погладь себя, — услышала я шепот у самого уха. Резко обернулась, чуть не поскользнувшись. Никого.

— Алек, мать твою за ногу, проваливай, — прорычала я в пустоту. Дверь я, конечно, заперла, но демон-то умел перемещаться в пространстве, что ему эта тонкая китайская фанерка?

Вернулась под струи воды, продолжая намыливать руки.

— Не Алек, — вновь услышала я таинственный голос, ощущая чужое дыхание кожей. Там, внизу, на своем лобке, я почувствовала ледяное прикосновение. Опустила глаза и ничего

не увидела, но продолжала чувствовать чужую руку, начавшую массировать мой клитор. Вода продолжала ровно стекать по моему телу гладкими струями, даже не замечая постороннего присутствия.

Мне стало жутко, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Но еще я чувствовала, как нервы пульсируют тугим комком в самом низу живота. Я опустила одну руку вниз, осторожно касаясь себя там.

Странно, я больше не ощущала на себе чужих рук, только свои горячие пальцы на заветном месте. Видимо, нервы окончательно сдают, раз уже такое мерещится. Продолжила задумчиво поглаживать себя. В конце концов, не своей же шизофрении мне стесняться? А возбуждение, распаленное в моем теле умелыми ласками инкуба, никуда пропадать не собиралось.

Бросила мочалку, желая помочь себе доставить наслаждение. Тело было влажным, ладонь левой руки легко скользила по растертой гелем коже. Коснулась своей груди, делая несколько круговых движений, затем чуть сжала, надавливая большим пальцем на затвердевший сосок.

Спиной опираюсь на стену, чтобы не потерять равновесия, и медленно съезжаю на пол. Глаза закрыты, пытаюсь представить себе что-нибудь возбуждающее. Но в голову лезут только черные пейзажи из сна, с невероятным небом. И прикосновения белоснежных рук.

Продолжаю массировать поочередно то одну грудь, то другую, не открывая глаз. Пусть мне и дальше кажется, что это не мои руки.

Моя правая ладонь игриво теребит клитор, сменяя круговые движения уверенными нажимами. Никогда так с собой не играла. Сейчас не думала ни о чем, действовала по наитию. Обхватила свой бутон большим и указательным пальцами и чуть оттянула. По телу прошел разряд, заставляя выгнуть спину и раздвинуть ноги чуть шире.

Я могу сколько угодно говорить про свои принципы или комплексы в отношениях, но сейчас, сидя на полу в ванной и стимулируя себя, я была просто женщиной, которая хотела мужчину. Еще раз потянула себя за клитор, на этот раз чуть покручивая его, и ноги сами собой раздвинулись еще шире. Мое тело хотело впустить в себя мужской член, жаждало ощутить горячее прикосновение изнутри.

Я начала массировать себя активнее, стремясь скорее достигнуть пика, но наслаждение будто ускользало от меня раз за разом. Сладкая истома сводила с ума. Мне нужно было что-то сильнее, чем простые движения пальцами.

«Возьми душ», — возникла в голове мысль. Или снова чей-то шепот? Не знаю. Протянула руку к лейке душа, которая уже давно свалилась на пол. Хорошо, не уверена, что могла бы сейчас встать. Вывернула кран на максимум, чтобы напор был сильнее, воду сделала чуть теплой.

Оставляя свою грудь в покое, я пальчиками раздвинула свои половые губы, чтобы направить сильные струи точнее, прямо на клитор. Вода хлесткими ударами массировала меня, принося удовольствие. Температура чуть прыгала, вода становилась то теплее, то холоднее. Невозможно было предугадать, что произойдет в следующий момент. Мое тело напряглось, чувствуя скорую разрядку.

Вода ласкала мой клитор, мои губы, я помогала себе пальчиками, слегка надавливая на разгоряченную плоть у самого входа во влагалище. Рука, направляющая лейку душа, неспешными круговыми движениями то приближала, то удаляла душ от меня, будто сексуального партнера. Мои бедра начали движения навстречу, в такт, воображение рисовало,

как в меня входит мой загадочный любовник. Пальцы на лейке перекрыли половину отверстий, делая напор еще сильнее, до обжигающе резкого.

Я еле сумела сдержать крик удовольствия, когда наконец достигла пика. Будто взрыв, все тело пронзило молнией, я распалась на миллион кусочков, растекалась вместе с водой по полу. Как же это было великолепно!

— Умница, — тихий шепот у самого уха, едва слышный из-за моего громкого дыхания. Видимо, моя фантазия еще не утомилась. С грустью посмотрела на лейку душа, подавляя в себе желание повторить занимательную водную процедуру еще раз.

Поиграли, и хватит.

Поднялась на ноги, коленки все еще подгибались после оргазма, но нужно было домыться и вылезать. И так, похоже, вечность провела в этой ванной. Зато какую приятную...

Быстро помыла голову, тщательно смыла с тела остатки геля и выползла из душа. Вытерлась насухо, оделась и вышла.

Инкуб по-прежнему сидел на диване, поразительно довольный и расслабленный.

— Какое преступное расточительство энергии, — проворчал Алек, расплываясь в улыбке. Его длинный хвост похлопывал диван, не спеша, как это делают коты, когда спят. На голове выступили рога. Демон перестал контролировать свой внешний вид. Плохой знак. — Но за завтрак спасибо.

Что-то я не слишком врубилась, о чем он.

— Я инкуб, Кенна. Я чувствую такие вещи на расстоянии. И чтобы поесть, не обязательно участвовать в процессе. Хотя я бы с удовольствием присоединился в следующий раз.

Я с ног до головы залилась краской, вероятно, становясь красной, как томат. А еще думала, что напрочь лишена чувства стыда. Как видно, нет. Быстрым шагом направилась в свою комнату, чтобы запереться там и спрятаться под одеялом.

Версалирион

— Что-то случилось, Салир? Ты сам не свой.

— Это все из-за девчонки.

— Девчонки? Я должна начать волноваться за нас? — Изящная демонесса приподнялась на кровати, подпирая голову рукой.

— Найт, мне сейчас не до шуток, прости. — Настроения у демона действительно не было, как бы хорошо его жена сейчас ни смотрелась. Обнаженная, ее гибкое тело прикрывала только шелковая простыня, выгодно открывая самые соблазнительные части тела.

— И что же тебя гложет, любимый?

— Объявилась девушка. Человек. Ее предок продал ее мне, давно. Лет четыреста прошло.

— Приятно, когда долги возвращают, Салир. Ты должен радоваться. — Демон не любил, что жена зовет его Салиром. Но смирился. Маленькая уступка, которая делает его Истинную чуть счастливее.

— Приятно, — согласился Верс, опускаясь на край кровати. Найт поднялась, чтобы сесть за его спиной, обхватывая своего мужа стройными ногами и кладя руки ему на плечи,

слегка массируя. — Но не в этот раз. С девочкой что-то не то, у меня не получается забрать ее душу.

— И в чем проблема? Отпусти ее. Одна душа — капля в море, с твоей-то силой. Нашел о чем переживать. Лучше раздевайся и иди ко мне.

— Тут все не так просто. Она не умирает. Алексаион пытался, я тоже. Человечка просто оживает, воскресая в собственной постели, ничего не помня.

— Необычно, конечно, — недовольно пожала плечами Найт. Демонесса встала с кровати, устраиваясь поудобнее верхом на своем мужчине. Теперь они оказались лицом друг к другу, и Найтаниэль запустила свою ладонь к Мудрейшему Версалириону в штаны, желая проверить, действительно ли он настолько погряз в своих заботах, что не готов уделить времени собственной супруге, когда она об этом просит. Как она и подозревала, ее пальцы наткнулись на уверенную твердость возбужденного мужчины. — И что с того?

— Кто-то помогает ей. — Версалирион старался оставаться сосредоточенным, пока Найтаниэль скользила своей ладонью по его горячему стволу, а ее зубы жадно покусывали его кожу. Демонесса умела быть нежной, но не любила этого. Ей нравилось трахаться. Грубо, жестко. Нравилось доводить свои ласки до крайности, впиваясь в твердую кожу Верса клыками, расцарапывая его спину длинными когтями до самой крови. И сейчас даже ее сильные поцелуи доставляли демону мучительное наслаждение. — Кто-то настолько сильный, что я не смог снять его блок с памяти, — хрипло произнес Верс.

— Ты действительно собираешься продолжать об этом говорить? — взбесилась Найт, словно фурия. Свои ласки она прекратила, злобно уставившись в глаза мужу.

Но Верс уже не хотел останавливаться. В эти игры могут играть двое. Версалирион одной рукой прижал демонессу к своему торсу, не давая ей выскользнуть, а второй высвободил член из плена собственных штанов, решительно и грубо вторгаясь во влажное лоно жены. Найт довольно застонала, но несколько жестких толчков, и демон замирает, не позволяя своей супруге продолжить получать удовольствие.

— Когда я говорю, ты слушаешь, — сухо произнес Верс, напоминая жене, кто из них главный. Его руки опустились ей на бедра, чтобы контролировать каждое движение демоницы.

— Салир, — охнула Найтаниэль, когда демон сделал в ней еще несколько глубоких толчков и вновь замер.

— Будешь умолять меня? — ехидно поинтересовался Верс.

— Никогда, — пообещала Найт в ответ, напрягая мышцы внизу живота, плотно сжимая член супруга в себе. Демон сдался. Как сдавался каждый раз на милость жены, которая, словно ведьма, сводила его с ума своими ласками. Поднимаясь на ноги, Верс опрокинул женщину на кровать, неистово погружаясь в нее еще сильнее, раз за разом, желая оказаться еще глубже, слиться воедино и никогда не отпустить.

На некоторое время разговоры в спальне прекратились, сменившись горячими стонами обоих супругов. Когда они наконец насладились друг другом, обессиленно раскинувшись на кровати, Найтаниэль была готова слушать своего мужа дальше.

— Так почему тебя так сильно беспокоит эта девчонка?

— Она обратилась ко мне, требуя снять печать. Произнеся истинное имя отца.

В глазах Найт загорелся огонек тревоги, она нахмурила брови, так что над переносицей образовались две складочки кожи.

— Ты не думаешь, что это все просто чей-то глупый розыгрыш?

— Откуда, по-твоему, человек может знать истинное имя моего отца? Его не каждый Высший знает и помнит. За ней кто-то стоит. Кто-то древний и сильный. И непонятно, зачем ему потребовался простой человек.

— Ты должен сообщить старейшинам. Совет Верхних может знать, кто за твоей спиной играет с твоей собственностью.

— Я уже договорился о встрече. Меня примут вечером, когда все соберутся.

— А что девчонка?

— На Земле. Алексаион следит за ней.

— Ты доверяешь этому инкубу? Разумно ли?

— У него свой интерес. Человечка зацепила его, он, пока ею не овладеет, не успокоится.

А подавить ее волю чарами ему не позволит моя печать.

— Какая-то человеческая девчонка отказывает инкубу? Забавно.

Найтаниэль потянулась на шелковых простынях, разминая уставшие мышцы.

— Поступай как знаешь. Но если еще раз мысли о девчонке встанут между нами и нашим сексом, я клянусь тебе, что притащу ее в Хаос и устрою с ней такие забавы, что ты будешь краснеть от смущения все последующее столетие.

[Купить полную версию книги](#)